

Ким Ынсук • Ким Суён из «Истории культуры»

Мистер Солнечный Свет

Первая часть

Ким Ынсук
Ким Суён
Мистер Солнечный
Свет. Первая часть
Серия «Лучшие дорамы»
Серия «Мистер
Солнечный Свет», книга 1

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67225106

Ким Ынсук, Ким Суён. Мистер Солнечный свет. Первая часть: АСТ;

Москва; 2022

ISBN 978-5-17-137455-6

Аннотация

Чосон, конец XIX – начало XX века. Под натиском Японии страна постепенно утрачивает независимость.

Юджин Чхве всегда ненавидел свою родину, погубившую всю его семью. Он сумел совершить невозможное – покинуть Чосон и перебраться в Америку. Однако спустя много лет Юджин вынужден вернуться в столь ненавистный ему Чосон, чтобы исполнять обязанности американского консула. В его сердце лишь пустота, одиночество и жажда мести. Однажды

судьба сводит его с совершенно непохожим на него человеком – аристократкой из высшего общества Ко Эщин, удивительной девушкой, отчаянно борющейся за свободу.

К чему приведет это знакомство? Станет ли Эщин препятствием на пути Юджина или же их отношения расцветут, подобно цветку?

На основе сценария Ким Ынсук

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	34
Глава 4	47
Глава 5	59
Глава 6	77
Глава 7	95
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Ким Ынсуک, Ким Суён Мистер Солнечный свет. Первая часть

1

MR. SUNSHINE

NOVEL 1

KIM EUN SOOK, STORY CULTURE KIM SU YEON

Original Korean edition published by RH Korea Co., Ltd.

Печатается с разрешения RH Korea Co., Ltd

1

Mr. Sunshine. Novel 1

By Kim Eun Sook, Story Culture Kim Su Yeon

Copyright © 2018 Kim Eun Sook, Story Culture Kim Su

Yeon

All rights reserved

© ООО «Издательство АСТ», 2022.

Russian language edition arranged with RH Korea Co., Ltd.
through Eric Yang Agency Inc.

© Стефаненко О. В., Батуева А. А., перевод на русский
язык, 2022

* * *

Полюбившаяся всем история, захватывающий сюжет – от сценаристов Ким Ынсук, подарившей нам такие топовые драмы, как «Гоблин», «Потомки солнца», «Король: Вечный монарх». Драма «Мистер Солнечный Свет» занимает лидирующие позиции по просмотрам и входит в список десяти лучших драм на стриминговом сервисе Netflix.

* * *

*Я хочу быть прекрасным цветком,
который способен принести пользу своей
стране,
и наказать всех, кто посягает на мою родину...*

Глава 1

Два выстрела – одна цель

Желающих посмотреть на церемонию зажигания фонарей на улицах в районе Чонно было видимо-невидимо. Несмотря на всеобщее возбуждение, в гостевом доме «Хвавольлю» на бульваре царила умиротворяющая тишина. В лучах заходящего солнца гейши в ярких кимоно приветствовали гостей вежливыми улыбками. Логан Тейлор в сопровождении нескольких японских охранников поднялся на второй этаж и вошел в традиционную комнату с татами. Там его уже ждал Ли Сэхун, министр иностранных дел Чосона.

Гостей разделял большой стол, уставленный бутылками с саке. Возле каждого мужчины сидели гейши. В такой обстановке два гостя обменивались красноречивыми взглядами, источающими алчность.

– Благодаря Америке Чосон будет процветать. Вам следует быть признательными за нашу помощь.

– Полностью с вами согласен! Что ж, выпьем за Чосон!

Ли Сэхун вел беседу на японском и периодически подливал саке своему собеседнику. Меж тем комнату постепенно заполнял дым от жаровни, на которой жарили мясо. Логан поднес очередную порцию мяса ко рту и резко закашлялся.

– Возможно, это из-за дыма. – Сидящая рядом с Логаном

гейша торопливо встала и открыла настежь окно в деревянной раме.

Снаружи слышалось мерное тарахтение генератора, питающего фонари на улице. С довольной улыбкой Логан поднял бокал для нового тоста.

– Да начнется развитие в этой стране! За дикий Чосон!

В тот же миг раздались два выстрела, и Логан упал замертво.

«Еще один стрелок?» – промелькнула мысль у мужчины в маске, спешно перезаряжавшего ружье на крыше соседнего от «Хвавольлю» здания. Его пуля попала прямоком в сердце Логана, но ведь был и второй выстрел...

Всполошенные выстрелом охранники сбежали во двор «Хвавольлю» и начали без разбора палить в сторону, откуда раздались выстрелы. Отовсюду слышались крики людей, перепуганных стрельбой. Одна из пуль пролетела совсем близко от мужчины, спрятавшегося на крыше. Где-то рядом с треском рассыпалась черепица.

Пригнувшись, мужчина прицелился. Только он приготовился стрелять, как позади него хлопнул выстрел и охранник, схватившись за грудь, упал замертво.

Стрелок, целившийся в Логана, оказался союзником и решил помочь мужчине.

«А он неплохо стреляет», – подумал мужчина в маске.

Обернувшись, он увидел быстро удаляющуюся тень снайпера. Тоже решив, что задерживаться здесь опасно, мужчина

побежал по крышам в противоположную сторону. Перепрыгивая с крыши на крышу, он слез со стены и пустился бежать по улице. Охранники разделились и бросились догонять его и другого стрелка.

Несмотря на то, что Логан был американцем, на родине его презирали из-за махинаций с секретной информацией об Америке и Чосоне, которую он в личных целях передавал Японии. Для Америки Чосон являлся стратегически важной территорией, открывавшей выход в Тихий океан, а через него и перспективу сотрудничества с Китаем. Поэтому Белый дом не мог оставить Логана в живых. Задачу убить предателя поручили опытному офицеру, который хорошо проявил себя на войне с Испанией¹.

В его задачу входило сделать все таким образом, чтобы при успехе операции лавры достались Америке, а при провале все обвинения легли на Чосон.

Капитан морской пехоты США Юджин Чхве идеально подходил для этого задания, потому что был родом из Чосона и в то же время являлся американцем, так как еще в детстве попал в Америку, где и вырос, а потому в душе считал себя истинным американцем.

Оторвавшись от преследователей, Юджин прогуливался по главной улице, надвинув на лоб шляпу. Он внимательно осматривал толпу зевак, собравшихся здесь ради церемонии зажжения фонарей. Многие пребывали в замешательстве.

¹ Имеется в виду испано-американская война 1898 г.

– Ты слышал? Какие-то странные хлопки, похожие на выстрелы...

– Разве? Может, это генератор?

Юджин слился с толпой, но вдруг резко замедлил шаг. Его внимание привлекла красивая незнакомка в ханбоке². Черты ее лица, покрытого шелковой тканью накидки, были благородны и изящны. Расстояние между ними постепенно сокращалось. Когда они прошли мимо друг друга, чуть коснувшись плечами, Юджин остановился. «Запах пороха...» – мысль, подобно выстрелу, застигнувшая его врасплох, заставила обернуться.

«Этот мужчина...» – в ту же секунду подумала девушка и, замедлив шаг, тоже медленно обернулась.

Для них толпа перестала существовать. Они замерли посреди людского потока, не в силах отвести друг от друга взгляд. В опустившейся на город тьме было сложно что-либо рассмотреть. Лишь тусклый свет высвечивал отдельные черты их лиц. Вдруг неожиданно зажглись фонари, озаряя все вокруг. Улицы наполнились восторженными криками. Яркий свет расставил все на свои места. Двое незнакомцев наконец смогли разглядеть друг друга.

«Эта девушка... Девушка?» Юджин сразу же узнал стрелка, выручившего его недавно на крыше. Ловкий, быстрый, с довольно хрупким телосложением. Юджин смотрел на де-

² Ханбок – корейский традиционный костюм времен династии Ли, одежда для официальных и полуофициальных приемов, фестивалей и празднеств.

вушку и видел стрелка. В тот миг, когда он это осознал, лицо его помрачнело.

Сначала тихо, потом все громче и громче в толпе тут и там зазвучали выкрики: «Человека убили!», «Американца застрелили!». Испуганные люди, толкаясь, начали быстро расходиться кто куда. Сквозь это столпотворение протискивались японские охранники, хватая и обыскивая всех подозрительных. В основном они обращали внимание на мужчин с оружием. Внимательно понаблюдав за действиями охранников, Юджин вновь бросил взгляд на незнакомку, а та, поворачиваясь серебряным своим шелковым одеянием, уже стремительно уходила подальше от толпы. Без раздумий Юджин бросился за ней следом.

Только добравшись до безлюдного переулка, девушка наконец остановилась перевести дух. В полумраке мелькали редкие прохожие, но охранников не было видно. Стоило ей вздохнуть с облегчением, как за ее спиной раздался низкий мужской голос:

– Меня ищите?

Стараясь не выдавать волнения, девушка прикусила губу в попытке унять дрожь в теле. С другой стороны переулка к ней неторопливо, но уверенно шел Юджин. Окинув взглядом приближающуюся фигуру, девушка резко ответила:

– С чего вы взяли, что я искала вас?

То ли интонация ее голоса, то ли ее внешний вид, но что-то заинтересовало Юджина. Сейчас она наверняка испыты-

вала сильное смятение, но умело это скрывала.

– Мне так показалось.

– Именно, что показалось.

– Тогда куда вы так бежали?

– А почему вас это интересует?

– Думаю, я должен вас проводить. Повсюду снуют вооруженные люди, к тому же теперь мы с вами кое-что друг о друге знаем. – Низкий голос Юджина звучал миролюбиво и убеждающе.

– Кое-что знаем? – Глаза девушки забегали от растерянности. По словам мужчины было понятно, что ему что-то известно. Взяв себя в руки, она спокойно посмотрела на незнакомца:

– Союзник?

Одна цель – два стрелка. Но можно ли определить, союзник этот мужчина или враг, только потому, что однажды дула их винтовок были направлены на одного и того же человека? Отточенным движением девушка элегантно опустила с головы на плечи накидку, и Юджин наконец смог рассмотреть ее лицо: тонкий аристократичный нос, аккуратный изгиб губ, притягательные, необыкновенно красивые глаза, которые сейчас внимательно за ним следили. Девушку совсем не смутил изучающий взгляд незнакомца, она лишь усмехнулась:

– Вы меня с кем-то путаете. В любом случае вооруженные люди не посмеют тронуть вас, иностранца.

Иностранец. От этого слова, которое он постоянно слышал в Америке, Юджин невольно нахмурился. Его мог выдать разве что западный костюм, в остальном он ничем не отличался от других. Он не понимал, исходя из чего девушка сделала столь поспешный и безапелляционный вывод.

– Диковинная одежда. Надменная манера речи. Но самое главное – то, как вы смотрите, но не замечаете. Вы не знаете, кто я. – В ее интонации слышались гордость и высокомерие. – Ни один мужчина ни в Хансоне³, ни за его пределами не посмеет стоять так запросто рядом со мной на улице и разговаривать.

Что же он упускает? Нахмурившись, Юджин обдумывал слова девушки, но все равно не мог понять, где он ошибся. Только он собрался задать уточняющий вопрос, как пара прохожих, аптекарь и носильщик, увидев девушку, тут же бросились к ней с приветствием, всем своим видом выражая уважение и восторг:

– Госпожа!

– С вами все в порядке, госпожа? Что привело вас сюда ночью? Как только ваши слуги могли оставить вас одну!

То, как эти люди себя вели, подтверждало слова девушки. Пристально смотря в глаза Юджину, она ответила:

– Я дала им кое-какие поручения. Мы условились встретиться около аптеки.

Стоило ей договорить фразу, как тут же появились слу-

³ Хансон (ныне Сеул) – столица Чосона.

ги, несколько мужчин и женщина с тюками в руках. В свертках, похоже, были какие-то вещи. Подобно давним знакомым, они сразу начали расспрашивать тех двух прохожих:

– Вы чего тут собрались? Случилось что? Там в городе такие страсти творятся...

– Знаете гостевой дом на окраине города? Там недавно американца убили, целая перестрелка была! Такую суматоху подняли! – добавила служанка.

Услышав от нее эту новость, аптекарь с носильщиком очень удивились.

– Послушайте, погода довольно скверная, да и на улицах сейчас беспокойно. Будет лучше как можно скорее вернуться домой, – сказала госпожа слугам.

Казалось бы, только что услышав эту новость от слуг, девушка должна была сильно встревожиться и именно поэтому поспешить домой. Однако ничто не выдавало в ней волнения. Создавалось впечатление, что она просто хочет поскорее покинуть этот порядком наскучивший ей переулок. Юджин внимательно наблюдал за ней. Неужели он ошибся и это на самом деле была не она? Указав на Юджина, девушка обратилась к носильщику:

– Он заплутал. Подскажи ему дорогу.

– Разумеется, госпожа.

Кивнув склонившимся в поклоне аптекарю и носильщику, девушка надела на голову накидку.

– Чем могу вам помочь, господин? – участливо обратился

к Юджину носильщик.

– Не подскажите, где американское посольство? В какую мне сторону?

Только что беседовавший с девушкой на корейском, теперь Юджин говорил на чистом английском. Лицо носильщика вытянулось от удивления. Он ни слова не понял. Но Юджин не обращал на него внимания, его взгляд был устремлен в сторону удаляющейся девушки. Девушки, стрелявшей из винтовки. Раз встретившись с ней взглядом, он уже никогда ее ни с кем не перепутает.

– Неужели Чосон так сильно изменился? Или это только она такая необычная?

Юджин огляделся вокруг. Его лицо не выражало никаких эмоций, как и в тот момент, когда он рассматривал карту Чосона. Кое-что здесь поменялось. На улицах теперь горели фонари. И все же многое осталось без изменений. Впрочем, это его мало интересовало.

Волнение, захлестнувшее Юджина во время встречи с незнакомкой, постепенно сменилось холодным безразличием. Вынужденный бежать и в одиночку выживать в чужой ему Америке, имея при себе лишь какое-то никчемное украшение, последний подарок матери, Юджин перестал считать Чосон своей родиной – теперь эта страна не значила для него ровным счетом ничего. Так, лишь место, где он родился, не более того. Здесь умерли его родители, такая же судьба ждала бы и его, тогда девятилетнего мальчика.

В этой стране. В Чосоне.

Глава 2

Мальчик со взглядом, устремленным в небо

Вокруг были лишь обрывистые скалы, отягощенные зарослями могучих деревьев. Маленькое тело девятилетнего Юджина согнулось под тяжестью ноши – вязанок хвороста на носилках за спиной. Несмотря на свой юный возраст, он был вынужден безропотно нести бремя тяжелой жизни, другого выхода не было.

Уверенно спускавшийся по отвесному подножию горы Юджин вдруг поднял глаза на небо. Яркий свет слепил до слез, но он упорно смотрел вверх до тех пор, пока не различил каждое облачко на небосводе.

Ученый, отдыхающий на валуне неподалеку, внимательно следил за действиями мальчика. Слуга, помогавший ученому, проследив за взглядом хозяина, спросил у мальчика, что это он делает.

– На небо смотрю, господин.

Услышав ответ мальчика, ученый тоже решил взглянуть на небо. В этот самый момент на голубом небосводе возникло черное пятно – ворон, пролетающий с карканьем мимо.

– И зачем же ты смотришь на небо? – в недоумении спросил слуга.

– Я думал о том, как одна черная птица может затмить всю голубизну неба.

Высказанная мысль поразила ученого. «Худой и изможденный, этот мальчик, – подумал ученый, – наверняка тяжело работает день и ночь, но тем не менее его речи довольно необычны».

– Какому дому ты служишь?

– А почему вы об этом спрашиваете?

– Ты должен смотреть себе под ноги, в землю, а не в высокое небо. Оно не для тебя. Если раб будет стремиться к вершинам – умрет молодым.

Ученый обладал большой мудростью и знаниями, а в широких научных кругах славился искренностью своих суждений, не зря же он – Ко Сахон, наставник самого императора. Юджин не смутился под взглядом Сахона. Он по опыту знал, что слова ученого – чистейшая правда и что в будущем, скорее всего, его ждет именно такая участь. От этой мысли у Юджина встал ком в горле, однако ничего не оставалось, кроме как с ней согласиться.

– Все так и есть, господин.

Вежливо поклонившись Сахону, Юджин взвалил носилки с хворостом на плечи и побрел дальше по склону горы.

Спустившись с горы, Юджин толкнул главные ворота хозьяйского дома, похожего на особняк, и вошел во двор, посреди которого стояли и дрожали от страха, как преступники перед казнью, десятки слуг. Быстро сориентировавшись,

Юджин понял, что что-то не так. Он скинул носилки с хвостом и нервно огляделся по сторонам.

– Я знал, что вчерашний сон приснился мне не просто так! Теперь я вижу, к чему он меня готовил. Как вы, никчемные рабы, посмели бежать?! Особенно ты! Как ты посмел? – выкрикивал хозяин дома Ким Пхансо с узкой террасы, смотря на рабов сверху вниз.

Не так давно Ким Пхансо лично встречал со всеми почестями важного гостя – Ли Сэхуна, влиятельного человека при императорском дворе. Сближение с ним могло принести много выгоды, поэтому был накрыт воистину роскошный стол, а речи Ким Пхансо были сладки, как мед. В тот вечер Ли Сэхун положил глаз на красивую служанку, подносящую напитки. Заметив это, Ким Пхансо в попытке угодить дорогому гостю пообещал на следующее же утро отправить эту служанку в дом Сэхуна. То, что он разрушит семью служанки и оставит ее сына сиротой, не волновало расчетливого и жадного до власти Ким Пхансо. Он готов был сделать все ради высокой должности, которую сулил ему Ли Сэхун.

На грязной земле перед Ким Пхансо стояли на коленях та самая служанка и ее муж.

– Папа-а-а... Мама-а-а-а... – жалобно крикнул Юджин, увидев своих родителей.

Его крик прорвался сквозь гул толпы и привлек всеобщее внимание. Печаль и жалость окрасили лица слуг. Отец мальчика, как только узнал о намерениях Ким Пхансо, сразу же

решил сбежать с женой, но их схватили охранники господина. Всем было известно, что беглых рабов ждет печальный конец.

Отец мальчика был безжалостно избит охранниками: его поношенная одежда превратилась в оборванное тряпье, лицо – в сплошной кровоподтек с корками запекшейся крови. Вокруг родителей на земле были разбросаны тюки с одеждой. Взгляд мальчика, совсем недавно направленный высоко в небо, теперь был пригвожден к земле.

Повернувшись на крик Юджина, Ким Пхансо выпучил глаза и закричал:

– Мальчишка тоже заодно с ними. Взять его!

Как бы отчаянно мать мальчика ни кричала о том, что он невиновен, как бы ни молила о пощаде для него, Ким Пхансо был безжалостен. Стража схватила мальчика и швырнула его на землю рядом с родителями.

– Дети должны отвечать за грехи своих родителей! А вы все внимательно смотрите, что ждет рабов, нарушивших закон!

Ким Пхансо приказал охранникам еще сильнее избить провинившегося раба. Отца Юджина, который был уже в полубессознательном состоянии, завернули в рогожу и начали изо всех сил пинать и бить палками. Стиснув зубы, он старался не кричать, но после каждого удара сквозь зубы вместе с кровью прорывались сдавленные стоны. Мать, на глазах которой столь зверски издевались над ее мужем, хрипло ры-

дала. Мальчику, наблюдавшему за происходящим, казалось, что все это похоже на его самый кошмарный сон, который становился явью.

В отчаянии он бросился к стоявшему поодаль молодому господину Анпхёну, сыну Ким Пхансо.

– Молодой господин, пожалуйста, спасите моего отца! Молю! Его же убьют!

Анпхён, наблюдавший за кровавой сценой с бледным безучастным лицом, равнодушно оттолкнул мальчика. У него не было никакого резона спасать беглого раба, к тому же отец мог сгоряча сильно наказать за вмешательство, с него станется. Тем временем Ким Пхансо, спокойно взиравший на жестокое избиение слуги, равнодушно бросил охранникам:

– Убить его! Я, конечно, потеряю имущество, но если другим рабам это послужит уроком, то невелика потеря!

Смертная казнь неудачливого беглеца предостережет других рабов от бегства; более того, рабыня, обещанная Ли Сэхуну, станет вдовой – в любом случае Ким Пхансо останется в выигрыше, и неважно, что ради этого придется пожертвовать жизнью какого-то раба.

Ярость, зародившаяся где-то глубоко в утробе, разлилась по всему телу Юджина. Схватив с земли большую палку, он бросился в сторону Ким Пхансо. Позади раздался отчаянный крик матери, пытавшейся его остановить, но переполнявшая мальчика ненависть заглушила все звуки вокруг. Юджин успел сделать лишь пару шагов, прежде чем стражи

хозяина схватили его за руки и, ударив кулаками в живот и в грудь, повалили на землю, продолжая его пинать.

Материнское сердце обливалось кровью при виде столь жестокой картины. Они с мужем уже были обречены, им осталась только смерть, но ребенка она должна была спасти. На смену отчаянию пришли ядовитая злость и решимость.

Она бросилась к Хосон, жене молодого господина. Подобно всем знатым дамам, женщина была одета в роскошный наряд, а на голове у нее красовалась нефритовая заколка. Стремительным движением мать Юджина выдернула заколку из прически госпожи и, разбив ее о каменные ступеньки, приставила острый, как шило, край осколка к шее Хосон.

Все это произошло в мгновение ока. Ощувив на шее прикосновение холодного нефрита, Хосон в ужасе закричала. Ее муж, стоявший позади, от неожиданности отпрянул и упал. Опешивший было Ким Пхансо на секунду потерял дар речи, но, придя в себя, тут же отдал приказ охранникам схватить обезумевшую рабыню. Однако стоило им на шаг приблизиться, как мать Юджина надавила на осколок нефрита и тот глубже впился в шею молодой госпожи.

– Не двигаться! Сделаете хоть шаг – я ее убью!

В доказательство своих слов она надавила на осколок, и из царапины на шее потекла кровь. Хосон закричала от боли, но мать Юджина только сильнее прижала осколок.

– Вы защищаете своих детей, а я хочу спасти своего!

Хосон носила под сердцем внука Ким Пхансо, будущего

наследника рода. Ким Пхансо безжалостно приговаривал к смерти других людей, но за свою семью он переживал. Выбрав удобный момент, мать Юджина сорвала с Хосон одно из дорогих украшений и бросила его в сторону сына.

– На это ты сможешь купить три мешка риса. На меньшее не соглашайся. Бери и беги отсюда так быстро, как ты умеешь!

Так отчаявшаяся мать пыталась спасти своего ребенка.

– Беги и никогда сюда не возвращайся! Беги! Быстрее!

– Мамочка... – Юджин наконец понял мамины слова.

Слезы покатались по его щекам.

Озверевший от всего происходящего Ким Пхансо приказал охранникам схватить мальчишку. Но только они бросились выполнять приказ хозяина, как мать Юджина в отчаянии приставила нефритовый осколок к животу Хосон. Понимая, что его жена и нерожденный сын на волоске от смерти, Анпхён толкнул мальчика к воротам. Следовало быстрее выпроводить его со двора, пока не произошло непоправимое.

Однако Юджин не мог пошевелиться, ноги его совсем не слушались. Слезы подступили к глазам матери. Ее любимый, милый мальчик, которого она с нежностью часто прижимала к груди, теперь он смотрел на нее глазами, полными страха и растерянности. Из ее глаз покатались слезы.

– Беги. Прошу... Если ты выживешь, наша смерть не будет напрасной. Уходи! Беги далеко-далеко, как можно дальше отсюда!

Подобрав с земли украшение, брошенное матерью, Юджин со всех ног побежал к воротам.

Ким Пхансо в ярости схватил лук. Если никто другой не может схватить мальчишку, то он собственными руками прикончит его. Прицелившись, он выстрелил в Юджина, но стрела пролетела мимо.

Мать проводила взглядом Юджина, а когда он исчез из виду, обессиленная, рухнула на землю. Рядом с ней на землю в полуобморочном состоянии опустилась Хосон.

– Можете убить меня, – сказала рабыня.

Теперь, когда ее ребенок в безопасности, с ней могли делать что захотят. Она больше не боялась смерти, какой бы мучительной та ни была. Ким Пхансо зло усмехнулся в ответ на слова рабыни:

– Была бы моя воля, я бы с радостью тебя убил, но от тебя зависит мое положение.

Пхансо навел лук на избитого мужчину, лежавшего на земле, и выпустил стрелу. Рогожа, в которую был завернут мужчина, постепенно окрасилась в алый цвет в том месте, где торчала стрела, а затем кровь стала просачиваться на землю, растекаясь лужей. Пока все вокруг неподвижно стояли, шокированные этой ужасной сценой, мать Юджина устремилась к колодцу в дальнем конце двора и бросилась вниз.

В этот миг с душераздирающим криком очнулась Хосон. Кричала она от боли, как будто ее внутренности разрывало

на части, – начались схватки. Кто-то ушел из жизни, кто-то, наоборот, готовился прийти в этот мир. После трагедии началась история новой жизни.

Юджин, быстро взбиравшийся на гору, на секунду остановился и оглянулся на город. Подувший ветер растрепал липкие от пота волосы. Резкий запах крови ударил ему в нос. Картина произошедшего в ту же секунду встала у него перед глазами, и невыносимо больно сжалось сердце. Теперь он один в этом мире. Мамы и папы больше нет.

* * *

Юджин только утром лишился своей семьи и теперь вынужден был бежать от охотников за рабами. Гонимый страхом, он бежал без остановки несколько дней. Мимо проносились горы, поля, реки, но нигде было спрятаться, перевести дух.

Измученный дорогой, Юджин наконец набрел на гончарную мастерскую, притаившуюся глубоко в горах. Зверски голодный Юджин пробрался на кухню и принялся совать в рот все, что находил съестного. И сколько бы он ни ел, не мог насытиться.

– Ну как, вкусно? – раздался голос у него за спиной.

Юджин подпрыгнул от испуга и воровато обернулся. Голос, заставший его врасплох, принадлежал хозяину гончарной мастерской Ынсану. Услышав подозрительный шорох из

кухни, тот пришел проверить, не воры ли наведались за его едой, но обнаружил там всего лишь голодного и испуганного ребенка.

– Будешь есть всухомятку – подавишься. Сходи воды, что ли, в колодце набери себе. Он тут недалеко.

Ынсан недовольно цокнул языком и неторопливо ушел разжигать печь. Юджин плюхнулся на пол кухни и продолжил методично уничтожать запасы еды. Лишь когда в набитый до отказа желудок больше ничего не помещалось, Юджин отвлекся от еды и начал разглядывать Ынсана, сидящего у печи. Перед ним сидел лучший гончар в Чосоне, чей тонкий, прекрасный фарфор славился на всю страну и за ее пределами. За его изделиями выстраивались в очередь ценители искусства Чосона, Японии и Китая.

Юджин протянул ему то самое украшение, последний подарок матери:

– Это стоит трех мешков риса, но я возьму два с половиной. Остальное – плата за еду.

– И зачем мне это? Не носить же мне такое.

– Вы можете это продать и получить деньги.

– Откуда это у тебя? Ты похож на сбежавшего раба или на брошенного сына мясника. Мне краденого не нужно!

– Я не крал это.

Юджин крепко сжал в руках украшение.

– Мама за это заплатила своей жизнью.

– Довольно. Забирай это и уходи, – бросил небрежно Ын-

сан и махнул рукой, прогоняя мальчика.

Голодный мальчик, один далеко в горах, и при нем дорогое украшение – все это было слишком подозрительно. Не надо быть ясновидящим, чтобы понять, что все это чревато проблемами, а Ынсан не хотел неприятностей на свою голову. Однако мальчик не собирался отступить и твердо стоял на своем:

– Ладно, тогда я прошу два мешка риса и разрешения остаться здесь до завтра. – Это все, на что мог надеяться Юджин. Лишь бы хоть немного отдохнуть и спрятаться от погоны.

Юджин был в отчаянии. Ему некуда было бежать, негде было укрыться. И только последние слова матери тлели тусклым угольком у него в груди. Надо было выжить, любой ценой, даже если и жить-то уже не хотелось. Он не мог допустить, чтобы жертва родителей оказалась напрасной.

– Я так устал, что еле на ногах держусь...

От искренних слов мальчика сердце Ынсана обливалось кровью, он не мог равнодушно смотреть на его изможденное личико.

Вдруг неожиданный гость прервал их напряженный диалог. Это был Джозеф – американец, который наведывался в гончарную мастерскую Ынсана на протяжении нескольких дней в отчаянной надежде приобрести его уникальные фарфоровые изделия.

Увидев во дворе незнакомца, Юджин содрогнулся всем

телом от ужаса. Он подумал, что это человек хозяина и его вот-вот схватят, и был готов уже распрощаться с жизнью, но незнакомец лишь небрежно взглянул в его сторону и сразу же направился к Ынсану.

– Скоро лодка в Америка поплыть. Сегодня деньги есть. Купить фарфор. – Не обращая внимания на бледного, перепуганного Юджина, забившегося в угол от страха, иностранец настойчиво продолжал упрашивать гончара продать свою драгоценную работу.

Для Джозефа покупка ценного фарфора была единственным способом попасть на родину. Изначально он прибыл в Чосон с благородной миссионерской целью – просветить темный народ дикого Чосона и поведать ему о религии Запада. Но, как и все иностранцы, он столкнулся с притеснением со стороны местных жителей. А все из-за политики «закрытых дверей», которой придерживался правитель Чосона. Джозеф не хотел повторить печальную судьбу французских священников, убитых за свою веру, поэтому стремился вернуться в Америку как можно скорее. И вот представилась идеальная возможность: на днях в Америку уходил корабль. Такой ценный подарок, как фарфор, наверняка растопил бы сердце капитана, и он пустил бы Джозефа на борт.

Юджин широко раскрытыми от удивления глазами смотрел на иностранца. Хоть он и говорил на родном языке мальчика, слова его понять было трудно.

– Что вам всем от меня надо? Надоели! Убирайтесь оба! –

Ынсан раздраженно крикнул на незваных гостей, досаждавших ему назойливыми просьбами.

Юджин бросился к иностранцу и потянул его за рукав:

– А Америка далеко? – Ему было неважно, куда бежать, только бы подальше отсюда. Главное – выжить.

Джозеф растерянно посмотрел на мальчика, потерянного и дрожащего от страха как осиновый лист. Но в глазах мальчика светился огонек решимости.

Америка – далекая, чужая для такого мальчика страна, к тому же там говорят на другом языке. Место, совсем непохожее на Чосон. Ему там не место. Только Джозеф открыл рот, чтобы озвучить свои мысли, как вдали раздался громкий выстрел. В небо взлетели перепуганные птицы.

* * *

Америка шла штурмом на дикий Чосон. Свою осаду она начала с южной крепости Квансондин⁴. Выстрелы громыхали со всех сторон. Американские войска стреляли по крепости из пушек, местные из засады отвечали им залпами из винтовок. Уже погибло много чосонцев, что подтверждало очевидный факт: перевес сил в сторону американцев слишком велик. Как бы патриоты ни отстаивали Чосон, им было не одолеть военную мощь Америки. Осознавая неминуе-

⁴ Речь о событиях 1871 г.

мость своего поражения, они не намерены были отступить и сдаваться. Каждый бился насмерть. Даже перед лицом смерти никто не думал о дезертирстве. Бежать – значит предать свою Родину, императора.

После того как пушечные снаряды сравняли крепость с землей, американские войска высадились на сушу, чтобы раздавить остатки сопротивления. Пули с легкостью пробивали хлипкие доспехи чосонцев. Мечи и копья ломались в мгновение ока, но сломить гордый дух сопротивления было не так просто. Раненые, лишённые оружия, они все равно поднимались на ноги. В ход шли камни и комья земли. Они сражались до последнего... И проиграли. Наступившую тишину нарушал только хлопающий звук развевающегося на ветру американского флага над развалинами крепости.

Это была даже не битва – бойня. Кровавая бойня. Кровь двухсот сорока трех солдат, отдавших жизни за свободу своей страны, превратилась в кровавый дождь, окрасивший землю Чосона в алый цвет.

Выжившие в боине были взяты в плен, стали заложниками, чьими жизнями собирались торговать при дальнейших переговорах с императором. Несмотря на свои агрессивные действия, Америка хотела установить перемирие с Чосоном и ради этого была готова вернуть пленных. Но чиновников при императоре такой расклад не устраивал. Перемирие они рассматривали как продажу своей страны. «Наши воины попали в плен, потому что не выполнили свой долг и остались

живы. Трусы несчастные! Мы не примем их назад!» Такое решение было принято во дворце. Для правительства на первом месте была честь Чосона, а не люди, рисковавшие жизнью ради родины. Холм, на котором стояла крепость, стал могилой для тех, кто пал смертью храбрых, защищая свой народ. Свою страну. Страну, которой не было дела до их смертей.

В ту ночь, подобно американским войскам, прибывшим на землю Чосона незваными гостями, в гончарную мастерскую неожиданно нагрянули охотники за рабами, разыскивающие беглого раба. Ынсан, посетив на горе могилу своего брата, погибшего при защите крепости Квансондин, вернулся в мастерскую и наткнулся там на людей Пхансо, которые обшаривали все полки, закутки и даже печь. Рассвирепев от такой наглости, Ынсан прогнал их взашей и принялся оглядываться в поисках мальчишки. Его взгляд остановился на ленточке, торчащей из ящика для горшков, – такими чосонцы обычно перевязывают себе волосы. Там, затаив дыхание, сидел перепуганный Юджин. Убедившись, что люди хозяина ушли, он наконец вылез из своего укрытия.

– Я же сказал тебе убираться отсюда! – сразу набросился на него Ынсан.

Мальчика трясло от страха, но в голове крутилась только одна мысль: «Не хочу умирать! Не здесь! Не сейчас!» Ком подступил к горлу, горечь заполнила сердце. Ему ведь всего девять лет! Чем он заслужил такую судьбу? В отчаянии он

взмолился о помощи:

– Моего отца убили, а мать от отчаяния кинулась в колодец. За мной гонятся охотники за рабами. Если поймают, забьют плетьюми до смерти, или я умру от голода. У меня ничего не осталось, и мне некуда идти. Умоляю, помогите мне! – С каждым словом ему было все сложнее и сложнее говорить. Горечь, скопившаяся глубоко внутри, выливалась слезами, они застилали глаза, душили; тело мальчика сотрясалось от рыданий.

Суровое выражение исчезло с лица Ынсана, и он тяжело вздохнул. Потерявший своего брата из-за безразличия императора, он прекрасно понимал мальчика. Здесь, в Чосоне, многие умирали неблагодарной смертью. Он должен был помочь бедному сироте.

В этот самый момент во двор мастерской вошел Джо-зеф. Американские войска одержали победу, поэтому корабль должен был в скором времени отбыть обратно в Америку.

Ынсан еще раз окинул взглядом заплаканное лицо Юджина и как будто что-то решил про себя. Посмотрев на Джо-зефа, он сухо сказал:

– Хорошо, я продам тебе свой фарфор, но ты заберешь мальчишку с собой.

– О чем вы...

– В искупление злодеяний против чосонцев ты должен взять его с собой. В Америку, или как ее там.

Было ясно как день, что Юджин долго здесь не протянет. Рано или поздно его настигнут охотники за рабами или голод. Это все, что Ынсан мог для него сделать. Как бы ни сопротивлялся Джозеф, мастер стоял на своем: американец должен увести мальчика подальше отсюда.

Услышав слова Ынсана, Юджин широко распахнул глаза от удивления. В них затеплился огонек надежды. Недоверчивость сменилась робкой радостью, и он начал горячо благодарить своего спасителя.

– Спасибо вам! Спасибо большое! Возьмите это. – В знак благодарности мальчик протянул ценное украшение, подаренное матерью. – Я никогда не забуду о том, что вы сделали для меня. Я обязательно отблагодарю вас за доброту! Если потребуется, я готов даже...

Не дав мальчику договорить, Ынсан спокойно отвел от себя протянутую руку с украшением. Мягко улыбнувшись на прощание, он отвернулся и ушел, а Юджин долго провожал его взглядом. Первого человека, протянувшего ему руку помощи после того, как он остался один на белом свете. Юджин пообещал себе, что если выживет, то обязательно вернется и оплатит Ынсану добром за все, что тот для него сделал.

Глава 3

Винтовка в нежных руках

«Этот мужчина...»

Завершив тренировку, Эщин спускалась с горы. Мысли ее были заняты тем подозрительным мужчиной, с которым она столкнулась в городе во время праздника. Без сомнения, это он был вторым стрелком на крыше, более того, он тоже узнал ее. Он враг? Или союзник? Трудно сказать. Нельзя делать поспешных выводов. С другой стороны, он ведь предложил ей пойти вместе, когда охранники искали стрелков.

«Он смелый или же просто безрассудный?»

Загорелое лицо, пронзительные черные глаза. Чем больше она думала о нем, тем отчетливее понимала, что не имеет ни малейшего понятия, кто он. Мысли, роившиеся в голове, не давали сосредоточиться на стрельбе. Думая о незнакомце, Эщин выстрелила, но промахнулась. Пуля лишь задела цель, а это никуда не годилось. Раздраженно фыркнув, Эщин выпрямилась и прищурила один глаз, прицеливаясь в подвешенные на веревке глиняные чашки.

– Два стрелка – одна цель. Очевидно, я не вызываю должного доверия, поэтому другая сторона послала своего человека.

Гроыхнул выстрел, и чашка разлетелась вдребезги.

– Другая сторона?

– Возможно, это была «Армия справедливости»⁵. Или кто-то из ополчения? Если это были не они, то он мог быть обычным бандитом из провинции Канвондо или с горы Чирисан. Он безрассуден, но все же он наш союзник, так что об этом не стоит переживать.

Договорив, Эщин перезарядила ружье и опять прицелилась.

– То, что у вас одна цель, не делает вас союзниками.

Выстрелив и попав точно в цель, Эщин опустила ружье и вопросительно посмотрела на Сыngu. Он достаточно хорошо знал нрав Эщин, променявшую шелк роскошных одеяний на грубую одежду простолюдинов – и все ради тренировок по стрельбе, – тем не менее он был встревожен.

– Союзник сегодня может стать недругом завтра. Поверьте, не стоит доверять людям. И мне в том числе, – сказал он задумчиво.

Эщин не знала, что ее отец пал жертвой предательства. Близкий друг, которому он всецело доверял, воткнул ему нож в спину. Как бы кто ни храбрился, но перед лицом смерти человек готов предать даже собственную мать, не то что друга.

Эщин взглянула на хмурое лицо Сыngu, погрузившегося в

⁵ «Армия справедливости» («Ыйбён») – партизанское движение, возникшее в Корее конце X в. для отражения иноземных захватчиков; в начале XX в. активно участвовало в борьбе против японского колониализма.

свои мысли. Она знала, что у него есть повод беспокоиться, но все же решила разрядить обстановку, поэтому с серьезным выражением лица ответила:

– А почему вы решили, что я вам доверяю?

– Что? – Сынгу поднял на нее удивленные глаза.

– Как я могу доверять человеку без крыши над головой? –

В ее глазах засверкали искорки смеха.

Застыв на секунду, Сынгу проворчал:

– Прекращайте свои шутки. Идите уже.

– Слушаюсь, наставник! На сегодня я закончила, – отпартовала Эщин.

Сынгу, недовольный ребяческой выходкой девушки, цокнул языком и что-то пробубнил себе под нос. Прошло больше десяти лет с тех пор, как он стал наставником и ближайшим единомышленником Эщин.

* * *

В ночь, когда маленькую Эщин привезли из Токио в Хансон, разразилась сильная гроза. Молнии расчерчивали небо яркими вспышками, а раскаты грома заглушали все вокруг. Ее, маленький кулечек, на руках принес мужчина, сражавшийся в Токио бок о бок с ее родителями за Чосон. Вместе с девочкой-младенцем он принес прах ее родителей, запечатанный в деревянные урны. Зайдя в дом, он предстал перед Сахоном.

– Это дитя рождено от женщины, которую любил Санван... Девочка.

При виде праха сына Сахон содрогнулся всем телом. На сером от скорби лице застыла гримаса горечи. Его жена тут же бросилась под дождь к мужчине и аккуратно взяла у него Эщин. Так произошла встреча маленькой девочки со своими бабушкой и дедушкой.

С того дня Эщин росла под крышей дома дедушки Сахона.

Реформы Габо принесли с собой много радикальных изменений, начиная с отмены рабства, упразднения старой социальной иерархии и заканчивая законом о коротких волосах. Шли преобразования, Чосон теперь находился во власти сторонних сил, однако историю нельзя переписать в одночасье, в сердцах людей все еще звучали отголоски прошлого.

В обществе грань между классами была стерта, но Сахон по-прежнему оставался высокопоставленным и уважаемым человеком, поэтому Эщин, его младшая внучка, с детства росла в уважении и почитании с гордым званием «госпожа». И хотя в обществе все большую роль играли иностранцы, вид госпожи в роскошном ханбоке с алой лентой в волосах вызывал трепет у горожан.

Однако книги, которые с детства читала Эщин, не соответствовали ее статусу госпожи. С ранних лет ей были интересны заметки, которые печатали в газетах. Стоило ей открыть газету, как глаза ее тут же загорались от любопытства.

Девочку не интересовало прошлое – только настоящее.

– Мир стремительно меняется.

Вместе с миром менялась и сама Эщин.

В один из таких дней, как обычно, прочитав свежие новости, Эщин возвращалась из беседки в дом. Приоткрыв дверь своей комнаты, она застыла в изумлении: здесь все было перевернуто вверх дном. Содержимое ящиков было разбросано по полу, а тайник, в котором она прятала газеты, был опустошен.

– Госпожа, там ваш дедушка... – Прибежавшая служанка при виде беспорядка в комнате остановилась на полуслове. – Что тут стряслось? Не может быть... Неужели газеты нашли?

– Я попала... – обреченно сказала госпожа.

Служанка начала причитать, торопя Эщин быстрее пройти к разъяренному господину.

Стоило Эщин войти в комнату дедушки, поприветствовать его и преклонить колени, как он бросил ей под ноги стопку газет из ее тайника. Он был вне себя от ярости. Позади Эщин стояла бледная, перепуганная тетя, госпожа Чо, а рядом с ней злорадно ухмылялась ее дочь Эсон.

– Возмутительно! Так вот почему торговец так часто к нам навещался? Сколько раз я тебе говорил не лезть в политику. Не женского ума это дело! – прокричал дедушка, гневно глядя на Эщин.

Но девушка, не проронив ни слова в свое оправдание, лишь упрямо буравила деда глазами. Встретив непокорный

взгляд Эщин, Сахон чуть успокоился, и его сердце сжалось: он вдруг вспомнил сына, который также был увлечен политикой. В итоге она же его и сгубила. Поэтому он готов был пойти на все, лишь бы уберечь от подобной участи дорогую внучку, единственную наследницу погибшего сына. Но Эщин уродилась в своего отца: была такая же упрямая и своевольная.

Воспользовавшись моментом, ее двоюродная сестра решила подлить масла в огонь.

– Женщинам негоже работать в правительстве, там им не место. Поэтому я не понимаю, что такого интересного она нашла в газетах, – невинным голосом прошебетала Эсон, но в душе она злорадствовала, ведь это именно она рассказала Сахону о газетах в комнате кухни.

Тетя, до этого молча наблюдавшая всю эту сцену, видя строптивное поведение Эщин, решила поставить ее на место.

– Чего молчишь? Сейчас же извинись перед дедушкой, – сказала она строго.

Эщин, прикусив губу от досады, едва слышным голосом заговорила:

– Простите меня...

– Не верю. – Сахон был непреклонен.

– Я правда сожалею.

– Неправда.

Да, на словах Эщин раскаивалась, но глубоко внутри она оставалась непреклонна и не чувствовала за собой вины. Са-

хон видел это невооруженным глазом.

– Ты знаешь, почему императрица Мин скончалась в столь раннем возрасте?

– У нашей страны не было достаточно сил и возможностей, чтобы защитить ее.

– Не поэтому. Она общалась с чужестранцами и вмешивалась в государственные и императорские дела.

Слова Сахона, шедшие вразрез с ее мыслями, огорчили Эщин.

– Чосон уже не тот, что раньше, – пламенно возразила она.

– И опять заблуждаешься. Чосон не стал сильнее – у него вот-вот отнимут последние остатки независимости.

Страна, за которую народ готов биться на смерть и которую флот Америки в конце концов с легкостью сокрушил, а Япония подчинила на долгие четырнадцать лет. Без должной мощи Чосон не способен защитить ни свою территорию, ни людей, ни суверенитет.

Однако Эщин упорно стояла на своем.

– Я не откажусь от газет. Хотя бы раз в месяц, но буду их читать. Учиться и получать должности в правительстве сегодня могут люди даже из низших сословий. Я уверена, и от женщины будет польза.

– Что за вздор! Никакой пользы от женщины в правительстве нет и не будет.

Эщин прекрасно понимала, почему дедушка так болезненно относится к этой теме, но благополучие страны ее вол-

новало больше своего собственного.

– Для девушки ты уже и так слишком образованная. Так что никаких больше газет!

Услышав столь категоричное заявление, Эщин вскипела от злости. Казалось, все ее нутро противилось дедушкиному запрету. Яростно сверкнув глазами, она звонким голосом парировала:

– Протестую!

Эщин искренне верила, что она в силах помочь изменить жизнь в Чосоне.

– Протестуешь? – опешил Сахон.

– Китай, Германия и Франция – все хотят оторвать лакомый кусок от Чосона. А японцы даже наш рис воруют. Разве так Чосон...

– Не тебе рассуждать на эти темы. – Дедушка прервал ее на полуслове. – Разве в нашей стране нет императора? Или при дворе нет министров? Даже если бы и не было, тебе там не место. Наша семья и так немало сделала для благополучия Чосона. Моего дорогого сына, твоего отца, вполне достаточно.

Каждое слово Сахона было пропитано бессильной яростью. Потеряв единственного сына, он не мог допустить, чтобы и с Эщин, его любимой внучкой, что-то случилось. Мир политики жесток и беспощаден, он может стереть в порошок любого. Однако, похоже, никакие доводы не могли вразумить Эщин.

– Учись хорошим манерам и смирению. Будь готова в будущем выйти замуж и жить под защитой супруга, каждый день радуя его своей красотой. Вышивай красивых бабочек, порхающих над цветами. Живи без забот и переживаний. Неужели это так сложно?

– Я лучше умру, – решительно заявила Эщин.

Ответ внучки ошеломил Сахона. Все, чего хотела Эщин, – это учиться. Узнавать, что происходит в мире, как он меняется. И если ей даже это не позволено, то в чем смысл ее бременной жизни?

– Если так, то умри. – Сахон не хотел уступать.

Теперь Эщин застыла в изумлении.

Никто не хотел идти на уступки – и Сахон, и Эщин были уверены в своей правоте.

С того дня Эщин не брала в рот ни крошки. Она отказывалась есть, пить и просто лежала, ожидая своей смерти. Словно повинувшись приказу бабушки, Эщин намеревалась заморить себя голодом. Так прошло четыре дня. У служанки, наблюдавшей за истязаниями госпожи, сердце кровью обливалось, каждый день она сидела на пороге ее комнаты и выла от горя, причитая, что если госпожа умрет, то она последует за ней. Стенания разносились по всему дому.

Слуги докладывали Сахону о том, что молодая госпожа морит себя голодом, но он как будто оставался безучастным. Казалось, единственное, что его в тот момент интересовало, – это книга, которую он читал. Внешне сохраняя спокой-

ствие, Сахон тлел изнутри. Внутри него боролись беспокойство за внучку и непоколебимая вера в свою правоту.

Отстраненно смотря в книгу, он размышлял о жизни в родной стране.

Стране, развращенной влияниями чужих культур. Стране, которой руководят одни предатели и где молодые умы не у дел тратят время впустую. Сахон презирал то, чем стал Чосон. Жить здесь стало слишком опасно. Он уже потерял своего сына, погибшего за эту страну, а теперь за ним хотела последовать и Эщин.

Возможно, в нем говорили эгоизм или жадность, но он не хотел потерять еще и свою любимую внучку.

– Я делаю все, чтобы убереечь ее от суровой действительности. Но если это то, чего она желает, а у меня не получится искоренить в ней это желание, нужно научить ее выживать.

Легкий свежий ветерок зашелестел листьями деревьев, неся с собой тепло наступающей весны. Но в сердце Сахона бушевала вьюга. Стерев с лица мрачное выражение, он подозвал слугу:

– Давненько я не ел мяса дикого кабана. Позови ко мне охотника Джана.

* * *

Отвесные скалы, острые валуны и крутой подъем. Эщин

задышалась, карабкаясь в гору в своих пышных юбках. Похоже, дедушка в наказание за ее упрямство действительно решил отправить ее на тот свет. Сзади подгонял стрелок Джан, сопровождающий ее по приказу дедушки. Складывалось ощущение, что он хочет измотать ее до смерти. Такое, конечно, трудно допустить, но винтовка, перекинутая через его плечо, порядком раздражала и наводила Эщин на невеселые мысли.

Наконец они добрались до места, куда ее вел стрелок Джан, – до хижины, построенной высоко в горах. Покрытая пучками вязаной соломы, она выглядела неказистой и обветшалой. Пытаясь перевести дыхание, Эщин с любопытством оглядывалась вокруг. Стрелок Джан протянул ей флягу с водой:

– Ручей далеко. Пейте.

На руке Джана Сыngu, в которой он держал флягу, виднелся широкий след от ожога. Получил он его во время сражения с американцами за крепость Квансондин. Там же он потерял отца, который был лучшим охотником в Чосоне.

Эщин застыла в нерешительности, пристально глядя на флягу. Всю дорогу от дома до вершины горы ее терзал вопрос, почему дедушка отправил ее в горы вместе со стрелком Джаном.

– Госпожа, с этого момента я ваш наставник, – словно отвечая на вопрос девушки, сказал Сыngu.

– Наставник?

От удивления Эщин на секунду потеряла дар речи. Чему же он может ее обучить?

– Я буду учить вас стрелять.

– Стрелять? Меня? – В голосе девушки слышалось недоумение, но в глазах ее уже вспыхнул азартный огонек.

В памяти всплыли слова бабушки о том, что она, подобно прекрасному, нежному, безмолвному цветку в оранжерее, должна жить под надежной защитой мужа и в полном с ним согласии. Разве может нежный цветок владеть оружием? Сердце Эщин затрепетало от восторга. Ружье идеально подходило для защиты себя, людей и... родины, раз уж на то пошло. Сахона в первую очередь заботила безопасность Эщин, именно поэтому он велел обучить ее стрельбе, но девушка смотрела на ситуацию шире. Ей представилась возможность и свои мечты воплотить, и бабушке угодить.

– Если у меня будет оружие...

Тех, кто желал стране развала, было немало. Но немало было и готовых встать на защиту страны, трудиться во благо Чосона. Способов принести своей стране пользу – масса. Эщин могла бы работать в газете или преподавать в школе.

Однако, думала Эщин, добро должно быть с кулаками, миролюбивая политика ни к чему хорошему не приведет. Император, бежавший из Чосона, пытался договориться о сотрудничестве с другими странами, просил их помощи. В итоге все закончилось тем, что Чосон захватили и поработили. Слова сами по себе не имеют никакой силы.

– Я буду сражаться оружием, а не словом. Сражаться на смерть, если потребуется.

Эщин взяла в трясущиеся руки протянутую ей винтовку. С этого дня Сынгу стал наставником девушки. Их упорные тренировки глубоко в горах позднее дали свои плоды – Логан был убит.

Глава 4

Черные как смоль глаза

Возвращаясь домой с очередной тренировки в горах, Эщин застала перепалку между ее слугой и человеком из американского посольства – Гвансу, говорившим, однако, очень вежливым тоном:

– На нашей территории застрелили американца, поэтому правительство Чосона сейчас в затруднительном положении. Мне очень жаль, но госпожу видели в ту ночь на площади, поэтому не могла бы она посетить посольство для...

– Что? Кто клеветет на госпожу? Кто сказал, что видел ее там? Я ему покажу, как наговаривать на благородных людей! Ты хоть знаешь, чья она внучка? – грубо перебил Гвансу слуга.

Каждый в Хансоне знал семью Ко Сахона. Эта семья, в частности госпожа Эщин, помогала бедным людям в сложные времена. Гвансу тоже в свое время получил от них поддержку и никогда об этом не забывал. Однако госпожу видели неподалеку от места преступления в ту ночь, поэтому она оказалась в списке подозреваемых.

Никто, в том числе и Гвансу, не верил, что Эщин может быть виновна. Но раз американскими властями велено, надо явиться. Эщин могла видеть что-то в тот вечер, и ее пока-

зания помогли бы следствию. Так что в посольство вызывали всех, кто присутствовал на площади в тот вечер. Такие жесткие меры были предприняты по распоряжению Америки, возмущенной убийством своего гражданина. На чиновников Чосона оказывалось давление, поэтому убийцу надо было обязательно найти, и как можно скорее.

– Сегодня и завтра я не могу. Пожалуй, только послезавтра получится. – Из-за спины слуги вдруг раздался голос Эщин, так что слуга даже вздрогнул от неожиданности.

От вида госпожи Эщин лицо Гвансу просветлело. Ее элегантная походная одежда, благородная осанка радовали глаз.

– Я передам ваши слова, моя госпожа. Прошу простить за причиненное беспокойство, – сказал он, почтительно склонив голову.

– Все хорошо, – приветливо улыбнулась Эщин, стараясь удержать на своем лице как можно более любезное выражение, ни в коем случае не дать волю эмоциям, недаром ведь она «госпожа». Но стоило Гвансу покинуть двор, как Эщин от досады топнула ногой и прошептала себе под нос:

– Кто сказал, что видел меня там?

Без сомнения, это был тот сумасшедший мужчина, который утверждал, что он что-то знает о ней. Бесстрастное лицо Эщин помрачнело.

– Вот ведь негодяй!

В голове Эщин опять завертелись вопросы, на которые она не могла найти ответы. Кто же он и чего он хочет?

Во двор американского посольства внесли расшитый цветами паланкин. В нем сидела Эщин. Слуга, шедший во главе процессии, открыл створки паланкина, и из него с изяществом вышла Эщин. Она осмотрелась. Длинное здание американского представительства, покрытое резной черепицей, убранством не уступало домам знатных людей Хансона. Строгий вид строения оживляли высаженные вдоль фасада молодые деревца. Эщин восхитила царившая здесь торжественная атмосфера, но лицо ее осталось бесстрастным, она лишь приподняла подбородок и направилась ко входу в здание.

Гвансу увидел прибывших из сада и тут же бросился их встречать.

– Добрый день, моя госпожа! Проходите, пожалуйста, – с заискивающей улыбкой пролепетал он и приветственным жестом указал на открытую дверь в здание, приглашая войти, но гостя, остановившаяся в нескольких шагах от него, не сдвинулась с места. Ее взгляд был прикован к одному из окон посольства. В нем виднелась фигура Юджина, одетого в военную форму. Неприятно удивленная этой встречей, Эщин резким тоном спросила:

– Его тоже вызвали как свидетеля?

Гвансу недоуменно посмотрел на госпожу и, расплывшись

в улыбке, покачал головой:

– Этот джентльмен сам сюда приходит каждый день, поэтому нет нужды его вызывать.

– Что значит «приходит каждый день»?

– На работу. Это посол США. Он расследует убийство.

Слова Гвансу обрушились на Эщин как гром среди ясно-го неба. Личность таинственного незнакомца была установлена, но ситуация от этого не стала яснее, скорее, наоборот. Если он посол США, то он, разумеется, на стороне американцев. Но тогда почему он убил одного из своих? И как он может вести расследование этого убийства?

Юджин смотрел в окно на девушку отрешенным взглядом, будто и не знал ее вовсе. На лице его не промелькнуло и тени смятения. Эщин пристально смотрела прямо ему в глаза, не избегая взгляда.

И все-таки, подумала она, Юджин мало походил на американца. Эщин проследовала за Гвансу, невольно ускоряя шаг, но так, чтобы никто не заметил. Ее подгоняло желание узнать получше этого таинственного мужчину, любителя говорить загадками.

Кабинет посла восхищал своим роскошным убранством. Юджин все так же неподвижно стоял у окна с бордовыми портъерами. Позади длинного стола висел большой американский флаг. Эщин, даже не посмотрев в сторону Юджина, гордо прошла и чинно села за стол – на место Юджина. Гвансу, пораженный поведением госпожи, не мог ничего ей ска-

зять, ведь она была важной особой, поэтому он лишь молча смотрел на Юджина.

– Спросите его, зачем я здесь. – Эщин обратилась к Гвансу.

Союзник он или... Тон Эщин, в котором проскальзывали стальные нотки, оставался безучастным, но беспокойный взгляд выдавал ее смятение.

– Пару дней назад, во время церемонии зажжения фонарей, видели ли вы что-нибудь подозрительное на улицах Чонно? – Юджин, перебив Гвансу, напрямую обратился к Эщин и ее слугам.

– Я не то что несколько дней назад – что вчера было, не помню. А ты что-нибудь помнишь? – Слуга госпожи ворчливым тоном спросил у служанки, стоящей рядом. Она припомнила только поручение, которое ей в тот вечер дала госпожа. Ничего подозрительного не заметила. Бегло взглянув на слуг, Юджин пристально посмотрел на девушку.

– Мой вопрос адресован всем троим.

Встретившись с ним взглядом, Эщин прикусила губу. Этот мужчина в форме был груб и невоспитан. Никто в Чосоне не посмел бы разговаривать с ней таким тоном.

– В последнее время в Чосоне стали чаще встречаться подозрительные субъекты. И один из них сейчас стоит передо мной, – заявила Эщин, смотря прямо в глаза Юджину. – Спросите его, что же такого подозрительного я должна была видеть?

– Госпожа Эщин спрашивает... – начал Гвансу, но нерешительно замолк на полуслове.

Юджина забавляло надменное поведение девушки. Не верилось, что благородная особа из Чосона может вести себя так дерзко. Та, что днем расхаживает с высоко поднятой головой, облаченная в дорогие одежды, под покровом ночи бегает по крышам наперевес с винтовкой. Юджин улыбнулся своим мыслям. Пока он размышлял о своем, слуги всполошились и начали защищать госпожу.

– Послушайте, наша госпожа не могла увидеть ничего странного. Она не привыкла крутить головой, когда идет по улице, это неприлично. Она всегда смотрит прямо перед собой, и ее глаза при этом сияют, как хрусталь. Наша госпожа невинна, как дитя. Она – сущий ребенок.

Слуги Эщин восхищались ею, как солнцем, и относились к ней как к ребенку, которого надо оберегать от суровой действительности. Пронзительный голос служанки раздражал Юджина.

– И все-таки я хотел бы получить ответ на свой вопрос, – сухо сказал он.

– Извините, что ничем не могу помочь, – съязвила Эщин. Юджин подумал, что Эщин лишь притворяется безучастной и невозмутимой. При любящих слугах иначе вести себя и нельзя. Было ясно, что беседа не могла идти в продуктивном ключе, пока в кабинете присутствовали слуги. Поэтому Юджин на английском попросил Гвансу вывести слуг в ко-

ридор. Лица слуг вытянулись от удивления, а Эщин нахмурилась, услышав фразу на иностранном языке. Гвансу потопотопился перевести.

– Вы не могли бы подождать госпожу за дверью? – обратился он к слугам.

– Как это? Уйти и оставить нашу госпожу один на один с этим господином? – начала причитать служанка, но Эщин прервала ее:

– Подождите снаружи. Ни о чем не волнуйтесь.

– Да как же не волноваться-то? Вы же ни говорить, ни читать не можете на этом чужестранном языке, госпожа. Вы же ни слова по-их не понимаете, вы беспомощны... – начала тараторить женщина. Но стоило ей встретиться с разъяренным взглядом Эщин, как она тут же прикусила язык и побледнела. Дабы не навлечь на себя еще больший гнев, служанка развернулась и торопливо покинула комнату, захватив с собой слугу. Гвансу последовал за ними и плотно закрыл за собой дверь.

В кабинете воцарилась мертвая тишина. Теперь здесь были только Юджин и Эщин, которых связывали события той ночи.

– Вы не выглядите беспомощной, не волнуйтесь. Вы держитесь прекрасно и похожи на изящную статуэтку, – сказал Юджин, но в его голосе слышалась насмешка. Застигнутая его словами врасплох, Эщин растерялась, но продолжала исподлобья наблюдать за ним.

Юджин в какой-то степени был искрещен. Прямая осанка Эщин, ее грациозно сложенные на столе руки. Портрет такой благородной госпожи мог бы висеть где-нибудь на стене императорского дворца. Взгляд Юджина соскользнул с Эщин и устремился в окно.

– Что ж, спрошу прямо. В день, когда все случилось, город отмечал праздник зажжения фонарей. В общем веселом шуме вряд ли был слышен звук выстрела, а среди гуляющих на улицах довольно просто затеряться. Вы, наверное, так же рассудили бы тогда, да? – спросил Юджин, будто и правда собирал показания для расследования. Эщин лишь непонимающе улыбнулась:

– Не понимаю, к чему этот вопрос.

– Мне нужно ваше содействие.

– Я не собираюсь вам ни в чем помогать.

Взгляд Юджина оторвался от окна и снова остановился на Эщин.

– Стреляли с двух сторон. Вы точно не видели тех, кто стрелял? – спросил он, медленно подходя к Эщин.

– Ни одного не видела.

Их взгляды были прикованы друг к другу. Юджин подошел к Эщин и, протянув руку, закрыл половину ее лица, подобно маске. Черные как ночь глаза сверкнули негодованием от подобной вольности.

– А вот я, кажется, одного из них видел...

Низкий голос Юджина отозвался во всем теле Эщин. Как

брошенный в воду камень, он нарушил спокойствие бездонных, словно тихое озеро, глаз Эщин. Справившись с волнением, она тоже подняла руку и прикрыла ладонью нижнюю часть его лица.

– Теперь припоминаю, что и я видела одного из них.

Несмотря на то, что лицо каждого было наполовину прикрыто, они были уверены, что уже видели друг друга в ту ночь.

Не только Эщин было интересно узнать, кто он, этот ее «союзник». Юджина тоже одолевали вопросы. Кто эта девушка, столь смелая перед человеком, раскрывшим ее? Пристально смотря в глаза Эщин, Юджин медленно убрал руку от ее лица. И ее рука тоже плавно опустилась.

– И все-таки кто вы?

– Иностранного гражданина это не должно волновать. Встречный вопрос. Кто вы? Вы из благородных разбойников? Или из «Армии справедливости»? – спросила Эщин, внимательно всматриваясь в лицо Юджина.

– А если так, то что? Мы на одной стороне? – не оставляя попыток выведать хоть какую-нибудь информацию о ней.

Только тогда Эщин отвела глаза. Она все еще ничего не знала о Юджине, однако ей казалось, что он ее видит насквозь.

– Ваши вопросы ставят меня в тупик. Прошу прощения за непонятливость. Все, чему меня учили, – это рисовать.

«Девушка пытается увильнуть от ответа», – подумал Юд-

жин.

– А что насчет вас? Исполняя обязанности посла, вы, наверное, не только переводами занимаетесь? – продолжала она.

– Вопросы здесь задаю я.

Фраза Юджина прозвучала резко, и Эщин невольно поежилась. И в какой-то мере даже разозлилась. Она смерила Юджина надменным взглядом, и он отошел к окну, как бы ставя точку в их беседе.

– Вы можете идти.

Это была не просьба – приказ. Очередная оплеуха ее гордости. Проглотив обиду и аккуратно приподняв объемные юбки, Эщин встала из-за стола и направилась к двери.

Юджин задумчиво провожал взглядом удаляющийся со двора посольства расшитый цветами паланкин. Повернувшись к Гвансу, он надменно спросил:

– Почему?

– Что? О чем вы? – непонимающе переспросил Гвансу.

– «Моя госпожа» – так, я слышал, ты обратился к этой девушке. Почему в городе к ней относятся с таким почтением?

– А, вы про недавнюю гостью... Извините, я про нее ничего вам не рассказал. Госпожа Эщин – самая младшая представительница знатной семьи Ко. Она большая умница. К тому же аристократка.

Теперь взгляд Юджина рассеянно блуждал среди работников, трудившихся в саду. Слова Гвансу подтвердили его

догадки. Было очевидно, что она голубых кровей, но ему все равно было сложно до конца понять и принять это. «Аристократка». Юджин задумчиво смаковал это слово.

– Каждую весну двери дома семьи Ко открываются для всех нуждающихся. Они кормят голодающих из своих запасов. В близлежащих деревнях нет ни одной души, что не была бы обязана своей жизнью этой семье. – Гвансу пылко говорил о добрых деяниях семьи Ко. Как-никак он сам был обязан им жизнью.

– Вы, должно быть, заметили, что госпожа – прекрасная девушка, незнакомая с реальным миром. Все в Хасоне души в ней не чают.

Все это время Юджин внимательно слушал Гвансу и, услышав последнюю фразу, повернулся к нему с полным недоумения взглядом.

– Что-то не так?

– Ты сказал, она не знакома... с реальным миром? – переспросил Юджин.

– Да, господин. Она живет замкнуто под опекой родни.

«Ничего не знает о мире, но мастерски стреляет из винтовки...» Он покачал головой, до чего нелепо и смешно это звучит. Тогда тем более интересно, почему такая благородная девушка взяла в руки оружие. Впрочем, это его уже не касалось. Единственной задачей Юджина было убить Логана. На этом все.

В убийстве Логана можно обвинить доходяг из «Армии

справедливости». Официально дело было закрыто.

Глава 5

Подол юбки, окропленный кровью

Удаляясь от посольства в трясущемся паланкине, Эщин не могла забыть пристальный взгляд Юджина. Прикрыв нижнюю часть своего лица, она будто бы опять ощутила гнетущее напряжение, возникшее между ними.

Снаружи до нее долетал разговор слуг:

– Для человека родом из Чосона он многого добился. Американцами вон руководит.

– Видимо, он многое перенял от них.

Вдруг размышления Эщин прервал громкий звук, на секунду заглушивший уличный шум. Девушка отворила створки паланкина и выглянула наружу. Мимо с грохотом проехал трамвай. Вид большой железной машины сильно впечатлил Эщин. Удивительно, что трамвай ехал сам и его не тянули ни лошади, ни люди. Она никогда не видела ничего быстрее этой машины.

Даже люди, сидящие внутри трамвая, с выражением восхищения выглядывали из окон и смотрели на пролетающие мимо дома и улицы. Дети с улюлюканьем пытались соревноваться с быстрым трамваем, но за ним было не угнаться. Вскоре трамвай исчез из виду, оставив позади взбудораженных детей и удивленных взрослых. Слуга госпожи, тоже про-

водив его взглядом, недовольно цокнул языком:

– Этот огромный кусок металла грохочет так, что аж уши закладывает.

– Слышала, рикши потеряли много клиентов из-за этой штуковины. А из-за новых леденцов, сделанных на западный манер в кондитерской лавке, наши торговцы ирисок обанкротились, – начала тараторить служанка, в конце заливаясь смехом.

От ее слов Эщин рассмеялась.

– Разворачивайтесь, – с улыбкой сказала она служанке.

– Зачем? Хотите куда-то съездить?

– Раз уж ты вспомнила о кондитерской, хочу попробовать эти леденцы.

Глаза служанки заблестели от предвкушения. Паланкин Эщин развернулся и направился к кондитерской лавке.

Улица, на которой продавали леденцы, была заполнена людьми в японской одежде. Перед лавкой стояла очередь из паланкинов, в которых знатные господа ожидали лакомства. А некоторые стояли перед лавкой и с наслаждением смаковали леденцы.

И слугам госпожи должна была перепасть часть угощения. Они никогда не пробовали ничего подобного, поэтому их глаза блестели от предвкушения. Слух об этих леденцах разлетелся по всему городу. Желая узнать, действительно ли они такие вкусные, слуги и госпожа Эщин аккуратно положили во рты разноцветные шарики.

– Ничего себе! – с восторгом воскликнула служанка.

Эщин лучезарно улыбалась, наслаждаясь вкусом леденца, растворяющегося у нее во рту.

Ее улыбка, такая невинная и искренняя, как будто освещала всю улицу. Эта улыбка привлекала внимание всех вокруг. Исключением не стал и мужчина в юката, сидящий на балконе соседнего дома. Крепко сложенный, с широкими плечами и шрамами по всему телу, он выглядел угрожающе. Лохматые волосы и борода были под стать его крутому нраву. Донмэ пристально следил за девушкой. Весь он источал холод и беспристрастность, глаза были затянуты дымкой мыслей.

– По этой чосонской девке сразу видно, что она дворянка.

– С ними так весело развлекаться. Стоит чосонским дворянкам лишиться чести и опозорить свое имя, как они хватаются за нож и перерезают себе горло.

До Донмэ долетели обрывки разговора на японском между двумя мужчинами, что слонялись рядом по улице, бросая хищные взгляды на девушку у кондитерской лавки. Увлеченная сладостями, Эщин не замечала ничего вокруг. Свежий шрам на щеке Донмэ исказился от свирепой гримасы, застывшей на его лице.

– Что мне сегодня уготовано? – не отводя разъяренного взгляда от двух мужчин, спросил он у сидящей позади него девушки Хотару.

Тихий шорох красного кимоно нарушил гнетущую тиши-

ну. Хотару взяла кисть и аккуратно записала предсказание. «Воссоединение».

Кисть вновь ожила в руках девушки.

«Вы не должны были встретиться».

Донмэ обернулся и посмотрел на предсказание в руках у Хотару. Горькая улыбка на мгновение появилась на его лице. В глазах Донмэ сейчас было столько тоски, что сердце Хотару сжалось от грусти.

Взглядом Донмэ проводил последние лучи заходящего солнца. Теперь на его лице не было и следа печали – только холодная ярость. Мгновение, и он ловко спрыгнул со второго этажа. На поясе у него висел длинный меч.

С легкостью приземлившись, Донмэ достал из ножен меч и направился к двум японцам. Ехидная усмешка, с которой они обсуждали Эшин, тут же слетела с их лиц. Люди расступались перед Донмэ.

– Там пахнет дракой? – раздавался тут и там нерешительный шепот.

– Если бы просто дракой. Похоже, он не на шутку разозлился. Вы узнали мужчину с мечом? Это Ку Донмэ, главарь местных бандитов. – Хозяин пекарни выбежал на шум и начал объяснять всполошившейся толпе, что происходит.

Вдруг раздался звук меча, разрезающего плоть. Кровь брызнула во все стороны, а на лице японца застыла гримаса безмолвного ужаса. Он рухнул на землю замертво. Кровь японца попала и на лицо Донмэ, но он и не думал ее стирать.

Запах крови лишь раззадорил его. Подобно зверю, чующему кровь своей добычи, он оскалился в хищной улыбке.

Не в силах отвести взгляд, Эщин не моргая смотрела на кровавую сцену, разворачивающуюся перед ней. Донмэ медленно повернулся и вперился в нее глазами. Кровь убитого медленно стекала по его щеке и подбородку. У Эщин на секунду перехватило дыхание.

Она узнала лицо, испачканное кровью.

– Го... госпожа, вам не кажется, что это тот самый мальчик из паланкина? Тот, которого вы спасли? – заикаясь, спросила служанка.

Взгляд Донмэ был направлен на Эщин, но мыслями он был где-то далеко. Сколько лет он ждал этого дня и сколько лет он бежал от этого дня. Единственное, что он знал точно: он скучал по ее лицу. По этому холодному, бесстрастному и необыкновенно красивому лицу.

* * *

Десять лет назад.

С полудня на улице Чингогэ было не протолкнуться. Проходивший здесь паланкин застрял в шумной сутолоке, двигаться вперед было невозможно.

– Наверное, что-то случилось, раз на улице такая толпа. Подождите немного, госпожа. Я выясню, в чем дело, – сказала служанка, приоткрыв створки паланкина, откуда высу-

нулось девичье личико Эщин.

Она с любопытством осматривалась вокруг, но из-за толпы гудящих в центре улицы ничего не было видно, сколько бы она ни вглядывалась. Посмотрев чуть в сторону, Эщин увидела мальчика.

Он выглядел ее ровесником, только одет был в какие-то лохмотья и лицо его покрывал толстый слой грязи. И на этой чумазой рожице сверкали два черных глаза. Мальчик смотрел на людей, столпившихся в центре улицы. На лице его застыло выражение грусти вперемешку со злостью. Эщин, пораженная такими яркими эмоциями на лице мальчика, не могла оторвать от него глаз. Почувствовав пристальный взгляд девочки, он посмотрел на нее.

Служанка, быстро семенящая от толпы, подошла к паланкину и тихим голосом сказала:

– Говорят, жена мясника зарезала простолюдина. Ее мужа и ее саму сейчас избивают на главной улице, а их сын сбежал. Его повсюду ищут.

Эщин взглянула за спину служанки, на мальчика, съежившегося от страха. Ее сердце сжалось от жалости.

– Он не сбежал.

– Что?

Эщин посадила мальчика к себе в паланкин. Сейчас, когда по улицам снуют охотники за рабами в поисках беглеца, это было самое безопасное для него место. Забравшись в паланкин и усевшись напротив, мальчик начал разглядывать

Эщин, которая, в свою очередь, изучающе смотрела на него – потрепанного, с порезами и синяками на грязном лице, с запекшейся кровью на лбу. У Эщин сердце сжималось при виде этого беспризорника.

Видя немой вопрос в глазах девочки, он, отводя взгляд, сказал:

– Ничего, бывало и хуже.

В его голосе рокотала злость. Казалось, он мог раскричаться от малейшего прикосновения. Сделав глубокий вдох и словно бы проглотив свою злость, он снова посмотрел на Эщин:

– Почему вы меня к себе посадили?

– Не хочу, чтобы тебя поймали.

– Вам есть до меня дело?

– Ну, ты ведь человек, а жизнь каждого человека бесценна. Так сказал один мудрец.

Благородное лицо без единого шрама, нежные маленькие руки без мозолей, аккуратно уложенные в витиеватую прическу волосы. Мальчик с любопытством рассматривал Эщин, столь непохожую на него. Она казалась существом из другого мира.

Мальчик был из самого низкого сословия мясников. Их жизни ценились меньше, чем скот, который они забивали. Мясники должны были преклонять колени даже перед простолудинами и молчать, пока им не давали слово. У мужчин всегда при себе был нож, но использовать его они мог-

ли только при разделке туш. Их жены большую часть времени ползали на коленях перед вышестоящими по социальной лестнице и просили прощения за любую провинность, но все, что они получали в ответ, – это жестокие побои и унижение. Мать мальчика изнасиловал какой-то простолоудин, и она в отместку заколола его ножом. Теперь ее за это зверски забивали до смерти посреди улицы.

Подобное было бы недопустимо по отношению к насекомому, не то что к человеку, жизнь которого бесценна. Значит, его родители и он сам ничтожнее насекомых, если с ними так поступают.

Но девушка, сидящая перед ним, только что сказала, что жизнь каждого человека бесценна. Глазами, полными смятения, он посмотрел на Эщин и спросил:

– Что за мудрец так сказал?

– Конфуций.

Услышав ответ Эщин, мальчик закусил губу, да так сильно, что выступила кровь. Его мать сейчас зверски избивают на улице, а дворянка, разодетая в шелка, сидящая в паланкине, рассуждает об учениях Конфуция. Это было так нелепо и смешно. Мальчика вновь захлестнула волна злости, поднявшаяся из глубин его маленького существа. Жизнь слишком несправедлива.

В порыве обиды он схватил подол платья девочки. Эщин вздрогнула от неожиданности и с опаской посмотрела на него. Уставившись ей прямо в глаза, мальчик поднес подол к

своему лицу и резким движением вытер кровь с губы. Эщин испугалась, непослушными руками схватила подол и потянула его на себя. На чистом шелке остались пятнышки крови.

– Вы всего лишь глупая дворянка, живущая в роскоши.

Злость, звучавшая в его голосе, пробрала Эщин до костей. Ее руки, мертвой хваткой державшие подол, задрожали. Впервые к ней обратились столь неуважительно. Унизили. Картина ее прекрасного, безопасного мира дала трещину, и неведомое прежде смутное беспокойство на миг овладело девичьим сердцем. Еще долго слова Донмэ, а это он был тем самым мальчиком, звучали в голове у Эщин.

И теперь, спустя много лет, мысли о Донмэ не покидали ее весь день. Сцена убийства стояла перед ее глазами и во время вечернего туалета, и отхода ко сну.

– Вот же бестолковый и неблагодарный! Даже не знает, кто его тогда из беды выручил! Ему спасли жизнь, а он растрачивает ее на подобные бесчинства. – Служанка, все еще под впечатлением от увиденного, возмущенно бубнила себе под нос, расстилая постель для госпожи.

Эщин тщательно мыла руки в фарфоровой чаше. Ей казалось, что кровь жертв Донмэ попала и на ее руки, а кровь, когда-то оставленную им на подоле ее ханбока, уже не отмыть – она словно бы впиталась в ее тело. Эщин встряхнула головой, прогоняя мрачные мысли.

Свет яркого солнца лился с безоблачного неба прямо в окна кабинета Юджина, который сидел в расслабленной позе и наслаждался ароматным травяным чаем. Сладкий запах хризантем приятно щекотал нос. Этот легкий, пьянящий аромат напомнил ему об Эщин.

В памяти всплыло изысканное украшение, прикрепленное к ханбоку девушки. Когда-то мать сорвала подобное украшение с такой же дворянки и бросила его Юджину. Горькие воспоминания о матери отозвались болью в груди, он помрачнел.

– О чем задумались? – Беззаботно перекатывая во рту леденец, в кабинет вошел Гвансу.

– Думаю, куда лучше пойти. – Прогнав навязчивые мысли, Юджин посмотрел на чашку уже остывшего чая.

Сейчас он на полпути к своей цели, не время отступать. Он долго пытался забыть Чосон, отбросить все сантименты и воспоминания о родине, и казалось, что у него получилось. Эта страна для него больше ничего не значила. Однако придется смириться с тем, что болезненные воспоминания навсегда останутся где-то глубоко внутри него.

– Украшение ведет к дому моего врага. Фарфор – к дому моего спасителя. Что выбрать? Раз уж погода хорошая, может, просто пойти прогуляться?

– Гм?

– Я двигаюсь вперед, не зная, что меня ждет. А вдруг я уже на месте?

«Настанет ли когда-нибудь покой у него в душе?» – Юджин тряхнул головой, прогоняя неприятные мысли.

Он размышлял вслух, не ожидая, что Гвансу его поймет. Тот лишь вопросительно смотрел на своего начальника, сиюсь уловить хоть каплю смысла в его словах. Тот факт, что американский посол родом из Чосона и умеет говорить на местном языке, несказанно радовал Гвансу. Но только первые несколько дней. Все же Юджин оставался американцем и мыслил как американец. Хотя он и говорил по-корейски, Гвансу порой не мог понять смысл произнесенных Юджином слов. В целом он был прекрасным начальником, но эта его особенность не способствовала взаимопониманию.

– А вообще не пора ли нам пообедать? – решил сменить тему Юджин.

Гвансу с радостью поддержал эту идею, и вскоре оба мужчины уже шли по улице.

Пообедать они решили в закускойной, где подавали традиционный суп с рисом. Юджин, не избалованный в Америке корейской едой, наслаждался блюдом. Гвансу, сидящий напротив, с удивлением за ним наблюдал.

– Я вот о чем думаю, господин. Смерть американского советника Логана Тейлора. Вам не кажется, что здесь что-то нечисто?

Смутившись на секунду при упоминании Логана, Юджин быстро взял себя в руки и продолжил есть как ни в чем не бывало. Гвансу придвинулся ближе и, оглядевшись по сторонам, тихо продолжил:

– Мне кажется, со смертью Логана связана какая-то тайна.

Палочки в руках Юджина застыли.

– Я вот что подумал, господин. Он был советником при дворе, поддерживал Японию, а значит, к его смерти имеют отношение три страны: Чосон, Япония и Америка. Но вы заметили, что никто не поднял шумиху? Может, его убийца был американцем?

Это было закономерное и логичное предположение. Невыгодное для Юджина.

– И зачем американцу потребовалось его убивать? – деланно равнодушно спросил Юджин.

– Значит, это дело рук японца, – тут же сдался Гвансу.

Завладев вниманием Юджина, Гвансу продолжил увлеченно делиться своими мыслями. Под подозрение, по его мнению, попадали только американская и японская стороны, Чосон он даже не рассматривал.

– В день похорон появились люди из банды «Черный дракон» и обшарили его дом сверху донизу. Что-то искали. Вдова с ребенком сейчас у министра Аллена. Прячутся от чего-то.

– «Черный дракон»? – переспросил Юджин.

– Да. Во главе банды стоит Ку Донмэ. Вы сразу поймете,

что это он, если вдруг его встретите. Запоминающийся тип.

Вдруг рассказ Гвансу прервался на полуслове.

От клинка, приставленного к шее, мужчина поперхнулся воздухом. Оружие держал японец, одетый в юката. Плотнее прижав холодную сталь к горлу Гвансу, он сурово буркнул:

– Эй, переводчик, ты нам нужен. Если хочешь жить, пойдешь с нами без лишнего шума.

– Это и есть банда «Черный дракон»? – без тени удивления на лице спросил Юджин.

– Ты, живо вставай! А ты сиди и помалкивай. Не влезай, – бросил японец.

Гвансу, ни слова не понимавший по-японски, посмотрел на Юджина глазами, полными мольбы о помощи. Но тот лишь равнодушно махнул рукой бандитам, показывая, что ему нет до всего этого дела. Головорезы подхватили обмякшего от страха Гвансу и, как мешок с картошкой, потащили за собой. Посетители и владелец наблюдали за происходящим не шевелясь, чтобы, чего доброго, не попасть под горячую руку молодчиков. Никто бы не посмел выступить против вооруженных мечами людей «Черного дракона». Гвансу же оставалось только выкрикивать робкие мольбы о помощи, взывая к черствому сердцу Юджина, но постепенно его крики затихли, и он исчез из виду.

Юджин, посмотрев какое-то время вслед удаляющейся толпе, как ни в чем не бывало продолжил спокойно есть суп. Люди за соседними столиками, похоже, еще не вышли из

оцепенения и лишь робко перешептывались. Все сочувствовали очередной жертве «Черного дракона», но сделать ничего не могли.

– Вот бедняга. От них никто не уходит живым.

– Вчера у кондитерской лавки Ку Донмэ опять взбесился и зарезал кого-то.

Отодвинув недоеденный суп, Юджин вышел из-за столика.

Если банда «Черный дракон» схватила Гвансу, работающего в американском представительстве, значит, им нужен был кто-то знающий английский. Юджин решительным шагом направился в сторону кондитерской лавки. Тьма стремительно опускалась на город, поглощая последние лучи уходящего солнца. В вечернем сумраке улица Чингогэ выглядела совсем не так, как днем: почти все лавки уже закрылись, свет горел только в японских ресторанах, откуда доносились возгласы веселящихся гуляк. В этом районе Чосона корейцы не имели никакой власти. Тут и там по улице бесстыже разгуливали японцы в традиционном нижнем белье фундоси – воистину поразительная в своей непристойности картина. Юджин хмуро оглядывался вокруг.

Увидев в толпе знакомое лицо, Гвансу тут же завопил от радости. Также разглядев его бледное от страха лицо, Юджин двинулся навстречу бандитам и преградил им путь.

– Тебя же просили не лезть.

Стоило только одному из японцев обнажить меч и наста-

вить его на Юджина, как тот молниеносно выхватил из кобуры револьвер, покоившийся до этого на поясе. Пуля звонко чиркнула по металлу, и меч вылетел из рук японца.

После секундного замешательства все остальные повывтаскивали мечи. Воспользовавшись моментом, Гвансу вырвался из хватки бандита и встал спиной к спине Юджина. Их замкнули в круг их острых клинков.

Щекотливая ситуация лишь раззадорила Юджина, тогда как за его спиной дрожал и обливался потом перепуганный Гвансу:

– Если у вас нет по пуле на каждого, мы – трупы.

– Я выстрелил, чтобы привлечь внимание полиции. Она скоро прибудет. К тому же разве не отличный был выстрел?

Невозмутимый тон Юджина тем не менее не внушал Гвансу оптимизма.

– Вы ведь сейчас не серьезно? – оторопело спросил он.

– Надо продержаться, пока не придет подмога. – Юджин направил револьвер на японцев и крикнул: – Кто такой Ку Донмэ?

В ответ кольцо из клинков вокруг них сжалось сильнее. В предупредительном жесте переводя револьвер с одного бандита на другого, Юджин повторил:

– Еще раз спрашиваю, кто такой Ку Донмэ?

– Я – Ку Донмэ, – раздалось где-то в стороне на корейском.

Бандиты расступились и опустили мечи, пропуская впе-

ред Донмэ. Теперь Юджин мог видеть говорящего. Действительно, этого человека сложно было с кем-то перепутать. От него исходила кровожадная аура главы «Черного дракона». Из закатанных рукавов юката выглядывали исполосованные шрамами руки.

– Вынимать револьвер ночью на улице Чингогэ – не лучшее решение. Рискуете нарваться на серьезные неприятности, господин. Боюсь, что не смогу присутствовать на ваших похоронах. Может, познакомимся, пока еще есть время?

В притворно вежливом тоне Донмэ звучала надменность. Однако, вопреки слухам, он не казался безумцем, чуть что хватавшимся за меч.

– Американский посол Юджин Чхве.

Услышанное несколько озадачило Донмэ, он напрягся. А ведь чутье его не подвело, он сразу понял, что перед ним не обычный чосонец, и теперь догадка подтвердилась.

– Странно, что у вас местная фамилия, – подозрительным тоном сказал Донмэ.

– Он не отсюда, он из Америки, – вставил Гвансу, на секунду выглянув из-за спины Юджина.

Однако его слова только больше запутали Донмэ. Как мог американец, одетый в западный костюм, выглядеть как кореец и так хорошо говорить по-корейски?

– Зачем вам так срочно понадобился переводчик? – спросил Юджин.

– Понятное дело, из-за денег. Мне не заплатили за работу,

а мой заказчик, мистер Логан, куда-то исчез. Как оказалось, его застрелили.

Услышав имя «Логан», Юджин нервно сглотнул. Несмотря на то, что он исполнял приказ вышестоящего руководства, очевидно, ему не сообщили какую-то важную информацию. Тем временем цепкие глаза собеседника внимательно следили за его реакцией.

– Те четверо, что охраняли Логана, – мои ребята. И теперь они мертвы. Возможно, их жизни ничего и не стоят, но заплатить все равно придется. Вдова должна мне, но вот незадача, она прячется в доме министра Аллена. До нее сейчас никак не добраться, поэтому я хотел написать ей письмо. Не окажет ли американский джентльмен мне такую услугу?

– Если дело в этом, то мне очень жаль. Я бы помог, но мой почерк оставляет желать лучшего. – Юджин попытался изобразить на лице самое грустное выражение, на какое был способен.

Бежав совсем юным в Японию, через несколько лет Донмэ вернулся в Чосон с японскими головорезами, одержимый единственной целью – мстить. Вскоре после его прибытия повсюду разлетелись новости, что японских бандитов возглавляет когда-то бежавший сын мясника. Ему не составило труда разыскать женщин, что измывались над его матерью и кидали в нее камнями. Невзирая на их слезные мольбы о пощаде, он безжалостно отрезал им ноги, вместе с тем лишая их благополучной жизни, которой никогда не было у его

семьи. Теперь, в отличие от его отца, у Донмэ была власть наставлять меч на кого угодно.

Теперь каждого, кто хоть как-то унизит Донмэ, ждала одна участь – смерть. Сейчас Юджин не просто проигнорировал его просьбу, нет, что-то большее таилось за его отказом. И это приводило Донмэ в бешенство.

Однако какую бы власть ни давало Донмэ положение главы «Черного дракона», справиться с американским послом ему было не по силам.

Он стиснул рукоятку меча, провожая удаляющуюся фигуру Юджина пылающим от ярости взглядом.

Глава 6

Случайный попутчик

То, что Логан Тейлор имел какие-то дела с якудза, настояживало. Впрочем, это неудивительно, ведь он был большой шишкой и взаимодействовал с разными людьми из Америки, Чосона и Японии. В принципе, у Юджина не было причин для беспокойства. Теперь, когда он выполнил задание, его уже не интересовали прошлые интриги, в которые был впутан Логан. В данный момент Юджин стоял на перепутье: куда ему отправиться в первую очередь? Раз уж он в Чосоне, можно отправиться куда угодно.

После долгих раздумий Юджин все же решил на следующий день совершить загородную прогулку. Доехав до переправы на лошади, Юджин спешил перед разлившейся рекой, преграждавшей путь. Пока он думал, как ему преодолеть препятствие, к нему вышла хозяйка переправы Хонпа и спросила:

– Нужна лодка?

Юджин обернулся на голос и застыл в изумлении: за спиной женщины стояла Эцин.

Из всех мест это последнее, где Эцин ожидала увидеть Юджина. Медленно подойдя к нему, она недовольно прошептала:

– Как вы здесь оказались? Вы что, следите за мной?

– Прошу заметить, это вы стоите у меня за спиной, – вторя ей, шепотом ответил Юджин.

Не найдя что возразить, Эщин с гордо поднятой головой прошла мимо Юджина и спустилась на берег к лодке. Проводив ее взглядом, он обратился к хозяйке переправы с просьбой дать ему лодку, чтобы он мог добраться до гончарной мастерской. Хонпа лишь усмехнулась.

Чтобы попасть в гончарную мастерскую, выстраивались целые очереди из людей разных сословий. Некоторым приходилось ждать по три месяца, чтобы посетить лучшего в стране гончара.

– Вы что, не слышали про Хван Ынсана? Неважно, кто вы и откуда пожаловали, потому что, скорее всего, уйдете от него с пустыми руками. Но я не жалею, ведь я ему обязана своим заработком.

– Хван Ынсан... Вот, значит, как его зовут.

– Да, а вы собирались просить его о чем-то, даже не зная, как к нему обратиться? – возмутилась Хонпа.

Эщин, все это время молча сидевшая в лодке, подняла укоризненный взгляд на Юджина и сказала холодным тоном:

– Он даже не знал, кто я такая. Разве удивительно, что он не знает Хван Ынсана?

Поняв, что госпожа знает этого мужчину, Хонпа посмотрела на него более пристальным, оценивающим взглядом.

– Грести умеете? – вдруг спросила Эщин.

Ситуация не оставляла выбора, кроме как сказать, что умеет, хотя на самом деле он не помнил, когда последний раз управлял лодкой. Юджин принял безмолвное приглашение Эщин и, сев в лодку, взялся за весла. Думал ли он, когда скакал сюда, что ему придется самому грести? Приноровившись, он оттолкнулся веслом от причала.

Лодка медленно рассекала кристально чистую воду. Маленькие волны, поднимаемые веслами, с тихим плеском бились о лодку. На секунду взгляд Юджина остановился на Эщин:

– Я ваш должник.

Эщин задумчиво следила за движениями рук Юджина. Вверх-вниз, вверх-вниз... Лодку плавно покачивало.

– Наверное, будет возможность отплатить, – сказала она, избегая его взгляда.

«Эта девушка не терпит поражения ни в чем и своего не упустит», – подумал Юджин. Такая изящная, в красивом ханбоке, она дополняла своей красотой живописный пейзаж безмятежной реки у подножия гор. Она как будто сошла с картины, написанной рукой мастера. Такой она была и той ночью, когда бежала по крыше в черном костюме, стремительно рассекая сумрак.

– Как только смогу.

– Вам предоставится шанс. Стоит только захотеть.

– Какое у вас дело к гончару? – спросил Юджин после краткого молчания.

– Все еще допрашиваете меня? Вас, иностранца, это совершенно не касается.

Ее категоричный ответ лишь больше подогрел любопытство Юджина. Однако ледяной тон девушки давал понять, что дальнейшие расспросы ни к чему не приведут. И все-таки какое невероятное совпадение, что он встретил ее по пути к своему спасителю. А может, это судьба? Однако об этом еще рано судить.

На лодку тихо лился солнечный свет. Лучи осеннего солнца отдавали свое последнее тепло, окрашивая все вокруг в золотистый цвет. Листва деревьев у подножия гор и водная гладь реки играли переливами солнечного света. Маленькая лодка и эти двое, что сидели в ней, на время стали частью прекрасной картины природы.

По прибытии в гончарную мастерскую они увидели, как Ынсан и Ко, его молодой ученик из Японии, вынимали горшки из печи и проверяли, нет ли в них трещин. Привычная для Эцин сцена, но Юджину здесь, в мастерской, все казалось необычным. Стоило только старику начать ворчать на Ко, как Юджин сразу узнал в нем того самого сварливого мужчину, который много лет назад приказным тоном заставил Джозефа увезти с собой в другую страну испуганного, потерянного мальчика. Время не пощадило Ынсана: годы выжгли в его волосах седые пряди, покрыли лицо сеткой морщин, но это был по-прежнему он, его спаситель. Юджин пытался скрыть охватившую его радость.

Услышав шаги незваных гостей, Ынсан обернулся.

– Зачем вы ко мне пожаловали, госпожа Эщин, я знаю, но какая нелегкая принесла этого чужестранного господина? Хонпа, наверное, не просто так его пропустила.

Юджин, из последних сил сдерживавший слезы радости, разразился смехом. Он был несказанно счастлив видеть своего спасителя живым, здоровым и, как обычно, в дурном настроении.

– Я – лодочник госпожи, – сказал Юджин, чтобы удовлетворить любопытство старика.

– Неужели? Тогда чего ты не у пристани, чего весла не сторожишь?

– Я хотел увидеть своими глазами известного гончара, но, кажется, сегодня его здесь нет.

– Батюшки. Вы только поглядите, не успел на берег выбраться, а уже шутки шутит, – возмутился Ынсан.

– А вы ни капельки не постарели. Все такой же.

– Что ты такое несешь? Ни капельки не постарел! Господин, мы знакомы? – резко сменил тон старик.

– Интересный вы человек. Только что мне грубили, а тут такая вежливость. Неужели поняли, что со мной нельзя поплохому?

Лицо Ынсана, не привыкшего к такому обращению, покраснело от возмущения. Не найдя что ответить надменному наглецу, он опять принялся ворчать, в том числе и на Эщин.

– Господи... Откуда ты взялся такой? Госпожа, зачем вы

его ко мне привезли?

– Джан Сынгу передавал вам привет. У него все хорошо, ничего нового, – быстро сменила тему Эщин.

Старик не умел долго на нее злиться. Тем более что она передала весточку от Сынгу. Ынсан и отец Сынгу были хорошими друзьями, и Ынсан растил мальчика как родного сына после смерти его отца на войне.

Уголки губ Юджина расплывались в теплой улыбке от каждого слова старика. Но Ынсану казалось, что незнакомец над ним надсмехается, что только ухудшало его плохое настроение. Юджин же, притворяясь, что не замечает реакции старика, продолжил свою маленькую забаву и попросил Ынсана продать ему какое-нибудь из своих изделий. От такой наглости Ынсан аж поперхнулся.

– Ага, уже бегу и падаю! Ничего я тебе не продам! – крикнул Ынсан и ушел донимать своего нерадивого ученика.

Юджин смотрел вслед хромающему старику, спешившему побыстрее отдать Эщин ее горшки и наконец выпроводить незваных гостей. Теплые чувства переполняли сердце Юджина. Слезы подступали к глазам, и хотелось смеяться, как мальчишке. Эщин с изумлением наблюдала за живыми эмоциями на обычно непроницаемом лице Юджина.

Как только они ступили на двор гончарной мастерской, Юджина как будто подменили. Сдержанного, замкнутого мужчины как не бывало – теперь перед ней стоял мальчишка с искренней улыбкой на лице.

– Ведете себя как ребенок, честное слово... – фыркнула Эщин.

Взгляд Юджина наткнулся на ящик с готовыми горшками, и его захлестнули неприятные воспоминания из далекого прошлого. Он едва дышал от страха и чуть не задохнулся, когда прятался в таком ящике от погони. Темнота вокруг, не пошевелиться, а воздух еле просачивался через узкие щели меж деревянными досками. Юджин помотал головой, прогоняя наваждение. Эщин, все это время внимательно наблюдавшая за ним, не могла оторвать глаз от столь печального лица.

Всю дорогу к гончару Юджин пытался разгадать тайны Эщин. Но для нее он тоже оставался загадкой. Она считала его своим союзником, но было ли это так на самом деле? Время расставит все на свои места.

Молчание нарушил Ынсан, вернувшийся с заказом Эщин.

Загрузив в лодку связку с горшками, они поплыли назад к пристани. Все горшки были в сколах и трещинах и для кухни явно не годились.

– Вы знакомы со стрелком и забрались в такую даль, чтобы купить битые горшки, совершенно бесполезные в хозяйстве. Значит, они нужны для упражнений в стрельбе, – озвучил свои мысли Юджин.

Эщин задумчиво смотрела на воду, по которой плавно скользила лодка. Река посверкивала под лучами закатного

солнца.

– Не понимаю, о чем вы...

– Все вы понимаете, – сухо отрезал Юджин.

Притворившись, будто весло выскользнуло из рук, Юджин сильно ударил по воде, поднимая брызги. Вытирая капли с лица, Эщин недоуменно посмотрела на него, но тот лишь с невинным выражением лица пожал плечами.

– Не подумайте, я просто очень плох в гребле.

Возмущенная Эщин начала ерзать, намеренно раскачивая лодку, но стоило Юджину вопросительно посмотреть на нее, как она часто поморгала и с невинным выражением лица пожалала плечами. Юджин еле сдержал вырывающийся смешок.

– А вы зачем ходили к гончару? Вряд ли вам нужны его горшки, – как ни в чем не бывало продолжала беседу Эщин.

– Просто хотел повидаться.

– Непохоже было, что вы знакомы друг с другом.

– Я его знаю. А он меня забыл.

– Вот как...

Юджин не дал ей договорить:

– У русских ружей длинные стволы и сильная отдача, а потому с ними не так просто управляться, особенно человеку невысокого роста. – Он решил сменить тему, чтобы уйти от навязчивых вопросов. – Но они точнее немецких, меньше шансов промахнуться, даже если цель находится далеко. Сначала нужно научиться с ними правильно обращаться и только потом стрелять.

С одной стороны, это была компрометирующая Эщин информация, а с другой – ценная рекомендация. Пытаясь разгадать скрытые намерения спутника, Эщин испытующе смотрела на него.

– Вот такой совет, хотя вы, наверное, не понимаете, о чем я, – с ухмылкой заключил Юджин.

– Угадали, – быстро ответила Эщин, нервно перебирая руками подол платья.

Неловким движением она поправила украшение у себя на поясе, тихий звон драгоценных камней нарушил тишину. Проследив за ее движениями, Юджин неосознанно нахмурился.

«Госпожа Эщин – самая младшая представительница знатной семьи Ко. Она большая умница. К тому же аристократка», – прозвучали в голове слова Гвансу.

Юджин не мог вспомнить, чтобы он когда-нибудь разговаривал о ружьях с девушкой, да еще облаченной в такие роскошные одежды. Может, все это из-за обстоятельств их первой встречи? Из-за них он постоянно забывал о ее высоком статусе.

– Скажите, сколько стоит такое украшение? – спросил он задумчиво.

– Правда хотите знать цену?

– Сколько бы за него дали лет тридцать назад?

– Тридцать лет назад? Думаю, мешок риса можно было бы выторговать.

Юджин горько усмехнулся. Вспомнились слова матери о том, что он должен просить за подобное украшение не меньше трех мешков риса. У него похолодело в груди, будто вечерняя прохлада, постепенно окутывающая все вокруг, пробралась глубоко в сердце. Забывшись в своих мыслях, Юджин незаметно для себя опустил руки с веслами. Перед его глазами стояло улыбающееся лицо матери, мечтавшей в следующей жизни переродиться цветком. Всякий раз, когда мать говорила про перевоплощения, сердце маленького Юджина екало от плохого предчувствия. Но даже в самых страшных снах ему не снилось то, что случилось в реальности.

– Вы решили больше не грести? – Слова Эщин вырвали его из воспоминаний.

– Извините, на секунду отвлекся.

– Я люблю носить украшения. Они для меня как отличительный знак. – Эщин не знала наверняка, но, скорее всего, именно украшение вызвало у Юджина какое-то воспоминание.

Будучи американским послом, он не задержал ее на допросе, потом поделился важной информацией о ружьях, и еще этот эпизод в гончарной мастерской... Было много причин, почему Эщин считала этого странного мужчину союзником. Поразмыслив, она решила довериться ему. Но ей было страшно. Однако больше, чем страх, ее одолевало любопытство. Раскроет ли мужчина свои карты? Расскажет ли,

кто он такой, каковы его цели и мотивы? Союзники ли они, в конце концов?

– Я прочла в газете, что мы живем во времена романтизма. Может, это действительно так. Увлеченные западной культурой носят французские платья, восторгаются импортными товарами. Я такая же. Но моя романтика – это немецкая винтовка.

Юджин замер и молча смотрел на Эщин. Решимость на ее лице приковывала взгляд.

– Кто знает, может, то, что вы видели меня в ту ночь, тоже можно считать романтикой.

Договорив, Эщин робко взглянула на Юджина. На ее губах расцвела застенчивая улыбка. Впервые она улыбнулась ему. Сердце Юджина пропустило удар. Вихрь эмоций, бушующий в его сердце, будто вырвался наружу и осенним ветром закружил над рекой.

– Юной леди благородного происхождения не пристало так говорить.

– Пожалуй, да. – Пряча ребяческую улыбку, Эщин кивнула. – Рада с вами познакомиться.

В добродушном жесте она протянула руку. Ее лицо сияло от радости. Неужели она обрела союзника?!

– Дайте знать, если захотите купить фарфор. Буду рада помочь союзнику.

Но ответом на ее слова было молчание. Постепенно лучезарная улыбка девушки погасла подобно лучам заходяще-

го солнца. И Юджин осознал, что между ними возникло недопонимание. Каким бы прекрасным ни был этот момент, он являлся всего лишь плодом их общего заблуждения. Ее улыбка никогда не должна была озарять его сердце. Но Юджину не хотелось разрушать своими словами хрупкое доверие девушки, не хотелось стирать столь прекрасную улыбку с ее лица, именно поэтому он промолчал. Да, с его стороны это эгоистично, но он хотел запечатлеть в памяти романтическую Эщин, раскрывшуюся перед ним.

* * *

Эщин в сопровождении слуг направилась к портному. Каждый год по ее заказу он шил мужской костюм. По легенде, раз в год она отправляла костюм своему жениху в качестве подарка. Однако на самом деле костюмы нужны были именно ей, для маскировки. Об этом знал только очень узкий круг людей, для остальных же Эщин была примерной невестой. Их брак должен был состояться еще несколько лет назад, но, к счастью или к несчастью, ее жених уехал учиться за границу и до сих пор не вернулся.

Портной достал сшитый костюм и разложил его перед Эщин.

– Похоже, господин Хисон пока что не собирается возвращаться, раз госпожа из года в год продолжает шить ему костюмы.

Портной не догадывался, для кого на самом деле предназначались костюмы, и надо было, чтобы он продолжал пребывать в неведении, поэтому Эщин ответила:

– Он не просто так решил уехать в другую страну. Сейчас для него главное – учеба.

– Вы очень добры. Госпожа Эсон так мне о вас и говорила.

– Неужели? И что же она обо мне говорила?

– Госпожа Эсон заказывала у нас пару западных туфель, сказала, что вы за них расплатитесь.

Служанка, стоявшая позади Эщин, недовольно цокнула языком. Если б только госпожа Чо знала, как безответственно себя ведет Эсон, точно пришла бы в ярость. Разбрасывается своим именем направо и налево, прикрываясь госпожой Эщин. А что, если из-за ее выходок у других людей, у того же портного, возникли бы проблемы? Уже взрослая, а в голове по-прежнему ветер гуляет.

– Такую обувь можно заказать только в главном магазине, верно?

– Именно так, госпожа.

– Я заплачу за ее пару и закажу себе такую же. Я сама съезжу в Чемульпо и отдам заказ.

От Хансона до порта Чемульпо дорога неблизкая. Раньше туда приходилось долго ехать на лошадях, но с появлением железной дороги добираться до Чемульпо стало гораздо удобнее. Эщин хотела воспользоваться подвернувшейся возможностью и впервые прокатиться на поезде. Лицо порт-

ного просияло от слов благородной госпожи.

– Размеры европейской обуви отличаются от наших. Пройдите, пожалуйста, в комнату, я сниму с вас мерки.

Вслед за портным Эщин вошла в швейную комнату. Повсюду здесь аккуратно были развешаны готовые костюмы, а на столе, около больших швейных машинок, лежали обрезки тканей, разноцветные нитки и всевозможные пуговицы. Эщин аккуратно села на стул и сняла обувь. Только портной склонился к ее стопе, как занавеска в соседнюю комнату распахнулась и оттуда вышел мужчина в костюме с наметочными стежками. Это был Юджин. Два удивленных взгляда встретились.

Эщин, смутившись, потупила взгляд, рассматривая свои ноги в белых носках. Почему-то ей было неловко за свой вид. Портной же, сняв мерку, потянулся к обуви, чтобы помочь Эщин обуться, но та остановила его.

– Оставьте, я сама.

Без слов поняв причину смущения девушки, портной тактично удалился. В комнате остались лишь Юджин в недошитом костюме и разутая Эщин. Она в спешке обулась.

– Я приехал в страну, можно сказать, налегке. Вот, решил справить себе костюм. На память о Чосоне, – нарушил гнетущее молчание Юджин.

Сказав первое, что пришло в голову, он немного смутился. Эщин показалось, что он тоже рад их неожиданной встрече, поэтому слегка взволнован. Она подняла на него глаза,

полные удивления и любопытства. Было ясно, что он говорил о своем скором отъезде в Америку, и Эщин ответила с легкой грустью в голосе:

– Должно быть, вы в Чосоне ненадолго.

– Как раз наоборот, поэтому я сюда и наведался.

От грусти в голосе Эщин не осталось и следа.

– Вам идет костюм.

В ответ на комплимент Юджин невольно улыбнулся:

– Спасибо, а то я сомневался насчет цвета.

Обувшись, Эщин встала и наконец внимательно рассмотрела будущий пиджак Юджина, прошитый контрастными нитями и кое-где подколотый булавками. Да, новый костюм определенно украсит владельца.

– Какое редкое совпадение... – задумчиво произнесла Эщин. – Работаете в посольстве, да еще так хорошо говорите по-английски. Вы не против, если я задам вам один вопрос?

Юджин молча кивнул.

– Что такое *love*?

Неожиданный вопрос смутил его. Юджин пытливо посмотрел на девушку, будто бы выискивая в ее вопросе подвох, но встретил лишь серьезный взгляд карих глаз.

Это слово Эщин слышала от дочери Юн Ганэ – Намджон. Намджон посещала частную школу, где им рассказывали про западную культуру и обучали разным языкам. От Намджон она впервые услышала про западный язык – английский. И когда Эщин поинтересовалась, зачем девушка

учит этот язык, та с придыханием ответила, что все ради *love*. Эщин такой ответ удивил и озадачил. Что такое *love* и почему это лучше высокой должности, которую можно занять, зная иностранный язык?

Поэтому Эщин очень хотела узнать, что же это *love* значит. И единственным, у кого она могла это спросить, был ее союзник.

– А почему вы спрашиваете? – озадаченно спросил Юджин, напористость девушки сбивала с толку.

– Хочу попробовать. Говорят, это лучше любой, даже самой высокой, должности.

– Похоже на правду. Но в одиночку у вас ничего не получится. Для этого нужны двое.

– Если так, то не поможете мне в этом?

Юджин несколько оторопел от того, как легко эти слова сорвались с губ девушки. Он засомневался, правильно ли понял ее.

– Вас останавливает то, что я женщина? Я умею стрелять из ружья.

– Это куда сложнее стрельбы из ружья. Намного рискованнее. И требует большей самоотверженности.

– Наверное, это действительно тяжело.

– Почему вы спрашиваете о подобном у меня?

– Потому что вы мой союзник, – просто ответила Эщин. Видя его замешательство, она продолжила: – Убиты американец и четыре японца. И только мы с вами знаем, чьих это

рук дело. И все же вы меня не арестовали. Или на это есть другие причины?

Какими бы очевидными его поступки ни казались, все было не так просто. Сердце Юджина сжалось от горечи.

– Почему вы хотели его убить?

– А у вас какая была причина? – не отступала Эщин.

– Он запятнал честь Америки.

– И честь Чосона тоже. Говорил, что японцы несут благо дремучему народу Чосона. Выдавал японское вторжение за просвещение.

Юджин больше не хотел скрывать от Эщин свое мнение насчет положения дел в ее родной стране.

– А разве у Чосона была когда-то честь? – отрезал он холодным тоном.

Мечта о союзнике, которую Эщин лелеяла все последние дни, разбилась вдребезги.

Юджин подошел к ней вплотную и произнес:

– Я никогда и не искал реального преступника. Мне нужен был лишь удобный момент. Убийство повесят на оставшихся членов «Армии справедливости». Я добился чего хотел.

От напряжения Эщин стиснула в кулаках подол платья.

– Добрались?.. – не веря своим ушам, повторила она.

Ее вера в то, что они союзники, не была лишена логики. Было много причин, чтобы так считать. Тем не менее она ошиблась. Но было уже поздно о чем-либо жалеть. Мужчина, стоящий перед ней, – всего лишь посол Америки, испол-

няющий свои обязанности в Чосоне. И никто больше.

Глава 7

Иностранец

Посетив портного, который снял с нее мерку для изготовления европейских туфель, Эщин со слугами сели в набитый битком поезд. В вагоне было шумно. Кто-то говорил на японском, а кто-то даже на китайском, что только усиливало словесный хаос вокруг. Эщин внимательно осмотрела вагон: окна, вход, потолок.

Корейцы, узнававшие Эщин, приветствовали ее и уступали места:

– Здравствуйте, госпожа. Пожалуйста, присаживайтесь.

– Сидите. Я найду место в следующем вагоне.

Усадив обратно всех вставших, Эщин прошла дальше. Во втором вагоне дальние места были свободны, впереди сидели корейцы, а три ряда за ними занимали японские военные.

Они издевались над мирными пассажирами, в шутку наставляя на них винтовки. Корейцы, бросая гневные взгляды, смиренно терпели происходящее.

Эщин смотрела на все холодным, твердым взглядом. В конце концов, этот поезд появился в результате вторжения Японии. И все-таки было сложно мириться с наглыми японскими военными. При виде Эщин они замолчали и устали на свою новую жертву. Один из них, Цыда, наставил

ружье на Эщин, когда она проходила мимо.

– Посмотрим, так же ли прекрасно ее личико, если ее напугать.

Эщин спокойно остановилась.

– О боже! – Ее служанка и корейцы вокруг вскрикнули от испуга.

Будто дразня солдата, Эщин бесстрашно смотрела на ружье.

– Вы только гляньте на нее! Что, хочешь подержать?

Эщин без колебаний взяла протянутое ей ружье:

– Я правильно его держу?

Сказав это, она быстро перезарядила ружье. Японцы в испуге отпрянули, услышав щелканье затвора. Взгляд Эщин источал холодную злобу.

– Куда нужно стрелять, чтобы наверняка убить? Сюда? Или сюда?

Эщин навела ружье сначала на сердце Цыды, а потом на его голову. Испугавшись, что Эщин и правда может выстрелить, солдат Ямада попытался забрать у нее оружие, но его опередила рука, появившаяся откуда-то сзади.

– Ну что вы, это же не игрушка... Боже мой! Вот, держите.

Это был переодетый Сынгу, который незаметно пробрался на поезд. Ворча, он забрал ружье из рук Эщин и быстро передал его Цыде. Эщин заметила только спину своего наставника, исчезнувшую за дверью в другой вагон. Она собралась было догнать его, но позади послышался какой-то шум.

Обернувшись, Эщин увидела других военных.

– Какие у них бледные лица и голубые глаза. Прямо как у призраков, – испуганно пробормотала служанка.

Это были американские военные, которые заняли места напротив японцев.

– Откуда у нас американские военные? – Эщин застыла на месте.

Несмотря на то, что Чосон был слабой страной, чужая армия все равно не имела права просто так находиться на его территории. У армий Китая и Японии были хоть какие-то основания для этого. Но армия Америки... Поезд тронулся и шумно помчался вперед.

Тяжелые мысли овладели Эщин. Но когда поезд приехал в пункт назначения, она уже почти свыклась со своей пошатнувшейся картиной мира.

Служанка начала выгружать покупки. Как только Эщин вышла из поезда, на нее наставили оружие. В этот раз уже не одно ружье. Служанка в испуге попяtilась и чуть не упала.

На прицеле держали не только Эщин. Пассажиров других вагонов уже обыскивали. Женщины приподнимали юбки в подтверждение того, что они под ними ничего и никого не прячут. Один из американских военных подошел к Эщин и попытался поднять подол ее ханбока.

– Да как ты смеешь? Руки прочь! – закричала служанка и ударила солдата по рукам.

Ее слова не возымели действия. Хоть эта земля и при-

надлежала Чосону, правила сейчас устанавливали чужаки. Эщин почувствовала, как в ее жилах вскипает кровь.

Хаос вокруг внезапно утих. Американские солдаты все разом приложили ладони к козырькам при виде офицера.

– Из грузового вагона пропала американская винтовка. Мы ее ищем, и нам нужна ваша помощь.

Эщин узнала человека, говорившего на безупречном корейском. Капитанские погоны блестели на форме не кого иного, как Юджина. Она подумала, что по воле случая за последние несколько дней успела насмотреться на него в гражданской одежде, а в военной форме видит впервые.

– Вы военный? Но почему чосонец носит американскую форму?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.